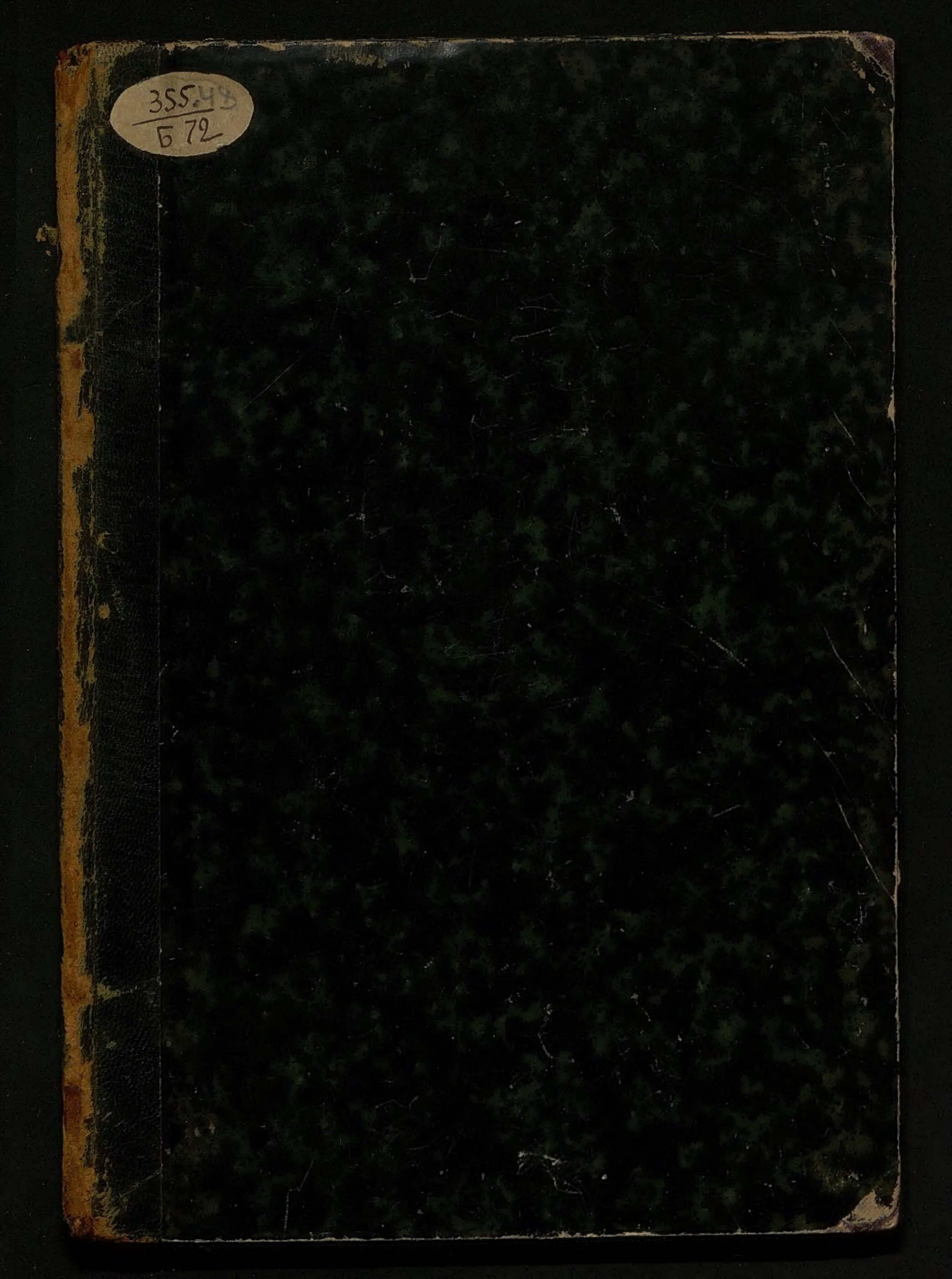
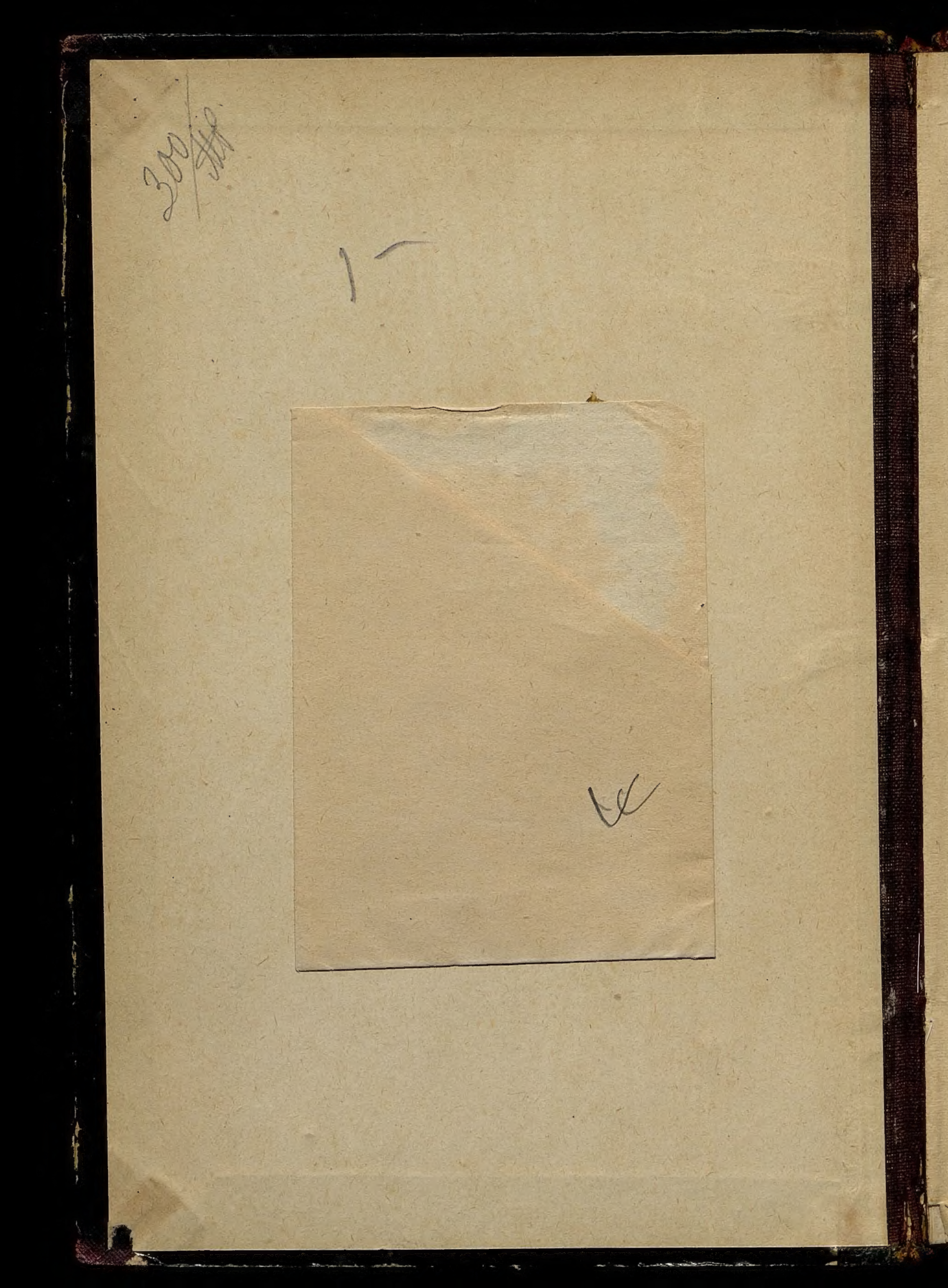

355.48
Б 72

54 г.

ПОСТОЯННЫЯ ВОЙСКА

И

СОСТОЯНІЕ ВОЕННАГО ПРАВА

ВЪ РОССІИ

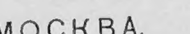
ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

ПО РУССКИМЪ И ИНОСТРАННЫМЪ ПАМЯТНИКАМЪ.

СОСТАВИЛЪ

ГЕН.-ЛЕЙТ. П. БОБРОВСКІЙ.

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.

1882.

Дозволено цензурою. Москва, 29 сентября 1882 года.

ПОСТОЯННЫЯ ВОЙСКА И СОСТОЯНІЕ ВОЕННАГО ПРАВА ВЪ РОССІИ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ [1]).

(По русскимъ и иностраннымъ памятникамъ).

Мы привыкли приписывать великія дѣянія какого-либо періода исторіи одному великому человѣку. Регулярное войско, измѣненіе системы налоговъ, реформы административныя — все это носитъ отпечатокъ дѣятельности Петра Великаго. И это было ново и замѣчательно у насъ въ началѣ XVIII вѣка, но подготовлено предшедшими событіями въ Россіи и въ западной Европѣ. Говоря это, мы нисколько не думаемъ уменьшать величіе Петра: его заслуга состоитъ въ томъ именно, что онъ призналъ реформу войска необходимою, что умѣлъ воспользоваться для этого средствами, выработанными на Западѣ, и овладѣть собственно тѣмъ, что могла дать Россіи болѣе передовая цивилизація Европы.

Изъ хода исторіи всего XVII столѣтія мы видимъ прогрессивное и непрерывное стремленіе къ улучшенію организаціи русскихъ войскъ; мы замѣчаемъ, съ самаго начала столѣтія, вліяніе иноземцевъ, которые призывались для устройства *новыхъ* войскъ, и вліяніе иностранной литературы, которая такъ или иначе проникала къ намъ; плодами ея сначала могли пользоваться въ весьма ограниченномъ кружкѣ людей; съ половины же XVII столѣтія послѣ, того, когда въ московской типографіи стали печатать не однѣ только

[1]) Глава изъ приготовляемаго къ печати труда „Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ". Ч. I. „Обзоръ памятн. русск. воен.-уголов. законод.".

духовныя книги, число грамотныхъ людей стало увеличиваться. Таковыми, во всякомъ случаѣ, были, кромѣ лицъ духовныхъ, дьяки и подъячіе, вообще лица принадлежавшія къ суду и администраціи. Въ 1647 году въ Москвѣ напечатанъ военный (строевой) уставъ. Его появленіе совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ, когда кончилась 30 лѣтняя война и къ намъ прибывали иноземцы, усиленно призываемые для обученія ратныхъ людей нѣмецкому строю. До половины же XVII вѣка существовали только рукописные законы въ ограниченномъ числѣ списковъ. Огнестрѣльное оружіе и печать были главнѣйшими факторами, подвинувшими московское государство на путь преобразованій.

Въ дѣлѣ организаціи вооруженныхъ силъ, въ теченіе этого вѣка, дѣлалось у насъ то-же самое, что дѣлалось и въ западной Европѣ. Тѣ элементы, которые должны были отпасть, какъ отжившіе, постепенно изчезали, а на ихъ мѣсто явились новые. Постоянное, *регулярное* войско, съ его общими, для всѣхъ равно обязательными военно-уголовными законами, въ русскомъ государствѣ должно было возникнуть по той же причинѣ, по которой оно явилось въ новой монархіи западной Европы.

Обращаясь къ источникамъ, которые мнѣ служили руководствомъ, остановлюсь прежде всего на серьозномъ старинномъ нѣмецкомъ памятникѣ „Kriegsbuch", Фронспергера, изд. 1575 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ 3-хъ частяхъ [2]. Это собственно военная энциклопедія, или лучше сказать, сборникъ разнообразныхъ свѣдѣній по военному искусству и военному праву XVI столѣтія. I-я часть книги извѣстна была подъ именемъ „Caroli V Kriegsrechte". Военныя права Карла V въ 10 книгахъ первоначально изданы были въ 1565 году тѣмъ же Фронспергеромъ (экземпляръ имѣется въ библіотекѣ главнаго штаба): это собраніе законовъ не только военно-уголовныхъ, но и административныхъ. Сюда вошло и судопроизводство *ландскнехтовъ*, поселеннаго войска въ наслѣдственныхъ областяхъ св. римской имперіи. Изъ этой части можно получить понятіе объ организаціи не только пѣхоты, но и кавалеріи, феодальныхъ цуговъ

---

[2] Экземпляръ этого рѣдкаго изданія имѣется у полковника А. К. Пузыревскаго, проф. Ник. акад. ген. шт.

(Zeug), и артиллеріи (Arckeley); въ ней представляется война сухопутная и морская; въ концѣ же первой части приложенъ „Geistliche Kriegsordnung", т.-е. духовный военный уставъ. Въ этой-же части описаны должности военныхъ чиновъ отъ высшаго начальника до послѣдняго рядоваго. Все это объяснено на гравюрахъ. Затѣмъ 2 часть „Военной книги" Фронспергера касается исключительно артиллеріи, обозовъ, осады и обороны крѣпостей, устройства и калибра орудій, изготовленія пороха, селитры и т. д.; здѣсь же даны военные уголовные законы для артиллеріи (Artickelsbrieff der Büchsenmeister). Наконецъ 3-я часть составляетъ военно-уголовные законы для пѣхоты и кавалеріи: кавалерійскій уставъ Максимиліана II, 1570 г., военные артикулы для пѣхоты, правила о подсудности артиллеріи, уголовное уложеніе Карла V 1532 г., нѣсколько теоретическихъ разсужденій, напримѣръ, сочиненіе Фронтини. Описаніе должностей въ войскахъ сдѣланы въ стихахъ по 8 строкъ подъ каждою гравюрою, изображающею данное должностное лицо.

Книга Фронспергера служила прототипомъ подобныхъ же сборниковъ, изданныхъ въ Германіи въ XVII столѣтіи; у насъ же сдѣлано было только извлеченіе изъ нея, именно въ „уставѣ ратныхъ, пушкарскихъ и другихъ дѣлъ", о чемъ будетъ сказано ниже.

Во второй половинѣ XVII столѣтія въ Германіи стали появляться сборники военно - уголовныхъ законовъ всѣхъ европейскихъ государствъ, въ соединеніи съ административными законами, касавшимися движенія на походѣ, расположенія войскъ на квартирахъ, отправленія караульной службы.

Изъ числа такихъ сборниковъ, появившихся на нѣмецкомъ языкѣ въ Германіи, послѣ Фронспергера, въ нашемъ распоряженіи имѣется „Corpus Juris Militaris oder Neu verbessertes und vermehrtes Kriegs-Recht", изд. 1674 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ, in 8°, 855 стр. (экземп. публичной библіот.), и Corpus Juris Militaris Novissimum", т. - е. новѣйшее собраніе военныхъ правъ, изд. 1724 г., въ Лейпцигѣ, in 4°, въ двухъ томахъ, болѣе 2,300 стран. (экземпл. библіотеки главнаго штаба).

Въ обоихъ сборникахъ заключаются военно - уголовныя

законодательства европейскихъ государствъ того времени, а въ послѣднемъ—и артикулъ Петра Великаго 1715 года.

Обращаясь къ нашимъ русскимъ источникамъ, я прежде всего укажу на „уставъ ратныхъ, пушкарскихъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки“, состоящій въ 663 указахъ или статьяхъ; уставъ этотъ въ 1607 и 1621 годахъ выбранъ изъ иностранныхъ военныхъ книгъ Онисимомъ Михайловымъ, и напечатанъ по приказанію князя Григорія Александровича Потемкина, съ рукописи, найденной въ 1775 г. въ мастерской и оружейной палатѣ въ Москвѣ, подъ смотрѣніемъ надворнаго совѣтника Василья Рубана въ С.-Петербургѣ въ 1781 году (рукопись имѣется въ Императорской публичной библіотекѣ; печатный экземпляръ въ библіотекѣ главнаго штаба подъ № 388—6—10). Вторая часть „устава“ взята цѣликомъ изъ второй же части Фронспергеровой „Военной книги“ (Kriegsbuch). Всѣ заголовки подлинника составитель помѣстилъ въ текстѣ статей.

Затѣмъ второй военный уставъ „Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей“ былъ напечатанъ въ Москвѣ, въ 1647 году, т.-е. ранѣе „Уложенія“. Это собственно переводъ перваго тома нѣмецкаго сочиненія Вальгаузена, изданнаго въ Германіи въ восьми томахъ; въ оглавленіи перваго тома перечислено содержаніе каждаго изъ послѣдующихъ томовъ. По мнѣнію г. Обручева „Ученіе и хитрость“ была первопечатною военною книгою [3] (экземпл. принадлежитъ полковнику Пузыревскому). Это сочиненіе не есть переводъ военнаго устава Карла V, какъ думали до сихъ поръ наши военные писатели; авторъ, однако былъ имперскимъ подданнымъ, называетъ себя цесарцемъ, „а у насъ цесарцевъ“ и потому былъ хорошо знакомъ со строемъ испано-венгерскимъ (квадратнымъ), но онъ былъ знакомъ также съ дѣйствіями войскъ и въ Нидерландахъ, говоритъ объ успѣхахъ, который сдѣлалъ Морицъ Оранскій, и передаетъ правила о строѣ, господствовавшемъ въ западной Европѣ, въ началѣ XVII вѣка, т.-е. до появленія бригаднаго строя Густава Адольфа. Книга „Ученіе и хи-

[3]) Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до военнаго искусства, Спб., 1853 г. Тоже „Военный журналъ“ за 1853 г., № 4 и 5.

тростьˮ состоитъ изъ „предисловія къ добродѣтельному читателюˮ и изъ 8 частей; въ послѣдней части (о сторо́жѣ) имѣются и уголовные законы.

Затѣмъ послѣдній—третій уставъ, это „Воинскій уставъ 1716 годаˮ, хорошо всѣмъ извѣстный. Онъ состоитъ изъ трехъ частей: „Уставъ воинскій, собственно о должности фельдмаршаловъ и всего генералитетаˮ, затѣмъ „Артикулъ воинскій купно съ процессамиˮ, и, наконецъ, „Экзерциціиˮ, или собственно строевой уставъ.

Въ началѣ каждая книга „Устава воинскагоˮ издавалась особо [1]).

Нужно замѣтить, что въ главномъ штабѣ есть рукописный экземпляръ „Устава воинскагоˮ за подписью Петра Великаго и скрѣпою кабинетъ-секретаря Макарова и рукописный „Артикулъ воинскійˮ съ поправками рукою Петра.

Затѣмъ изъ пособій, которыя могутъ служить для освѣщенія исторіи XVII столѣтія, кромѣ хорошо извѣстныхъ историческихъ трудовъ Соловьева, Устрялова и монографій Бѣляева, Карцова, Гудимъ-Левковича и Розенгейма, особеннаго вниманія заслуживаетъ вышеупомянутый трудъ г. Обручева, указывающій, между прочими источниками военнаго содержанія, на тѣ рукописные и печатные памятники XVII столѣтія, которые непосредственно касаются исторіи военнаго права въ Россіи. Сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ *Поссельта* (Posselt—Franz Leforts Geschichte; въ двухъ большихъ томахъ, изд. во Франкфуртѣ на Майнѣ, 1866 г.) есть весьма цѣнное пособіе для изученія эпохи Петра Великаго, въ первый періодъ его преобразовательной дѣятельности.

---

[1]) Въ библіотекѣ главнаго штаба имѣются: «Артикулъ воинскій купно съ процессами, надлежащими судящимъˮ, Спб. 1715 г., in 12⁰, подъ № 2239; «Артикулъ воинскій съ краткимъ толкованіемъ на россійскомъ и нѣмецкомъ языкахъˮ. 1735 г., № 2245. Тоже, изд. 1744 г., № 2247. Тоже, изд. 1755 г., № 2249. Тоже, изд. 1756 г. и еще 1796 г.—„Книга о экзерциціи, церемоніяхъ и должностяхъ воинскимъ людямъ надлежащихъˮ, издана in 12⁰ въ первый разъ въ 1715 г.—Книга „Уставъ воинскій о должностяхъ генераловъ-фелтъ-маршаловъ и всего генералитетаˮ, издана въ первый разъ въ 1717 г., а потомъ еще нѣсколько разъ особо. Между прочимъ имѣется въ главномъ штабѣ *второе тисненіе* полнаго устава, а именно въ 1748 г. № 2298. Оно возобновлялось въ 1755, 1777, 1795, 1796, 1804, 1814 и 1825 годахъ.

Кромѣ того изъ источниковъ, помимо полнаго собранія законовъ, нужно указать на напечатанные *историческіе акты археографической экспедиціи и коммиссіи* (9 томовъ актовъ и 12 томовъ дополненій). Это богатый источникъ для всякаго военнаго юриста, желающаго изучить весьма важную въ нашей исторіи эпоху, предшествовавшую преобразованіямъ Петра. Многіе документы оттуда еще не тронуты, а между тѣмъ наказы, грамоты, отписи и т. д. даютъ массу матеріала для ознакомленія съ состояніемъ войскъ Алексѣя Михайловича въ первыя десять лѣтъ его царствованія. *Наказы стрѣлецкимъ головамъ* и *полковникамъ иноземнаго строя* для военнаго права имѣютъ особенную цѣнность. Разработка этихъ матеріаловъ необходима тѣмъ болѣе, что начало царствованія Алексѣя Михайловича затемняется въ исторіяхъ ссылками на мемуары *Котошихина*—„Россія въ царствованіе Алексѣя Михайловича". Надъ этимъ трудомъ Котошихинъ работалъ въ 1666 и 1667 годахъ въ Швеціи, послѣ бѣгства изъ Россіи. Онъ находился въ русскомъ войскѣ въ качествѣ подъячаго (при главныхъ воеводахъ Черкасскомъ и Прозоровскомъ) до 1664 года, слѣдовательно, ушелъ въ самое печальное время, когда русское войско во время тяжкой войны, продолжавшейся уже около 10 лѣтъ, совершенно разстроилось. Котошихинъ такимъ образомъ писалъ подъ впечатлѣніемъ наиболѣе тяжкаго періода въ исторіи Алексѣя Михайловича. Напротивъ, первые десять лѣтъ царствованія этого государя, особенно первые два года (1654 и 1655 гг.) тринадцатилѣтней войны, представляются вовсе не такими мрачными, какъ они обрисованы у Котошихина. Какъ человѣкъ не военный (подъячій посольскаго приказа) онъ о многомъ судилъ съ чужихъ словъ. Поэтому при внимательномъ чтеніи его мемуаровъ, открывается, что его сообщенія о войскѣ относятся одновременно къ разнымъ періодамъ; различать это можно только, читая оффиціальные документы той эпохи: при этомъ открываются противорѣчія. Поэтому пользоваться Котошихинымъ нужно осторожно. Мемуары *Корба* (1699) и записки *Посошкова* (1701) относятся ко времени уже полнаго упадка русскаго войска [5]). Корбъ пишетъ

---

5) Дневникъ, веденный секретаремъ посольства императора Леопольда I

большею частію съ чужихъ словъ о состояніи русскаго войска въ послѣдніе годы XVII столѣтія. Посошковъ судитъ о недостаткахъ пѣхоты и конницы по началу сѣверной войны; но припоминаетъ и событія изъ Крымскихъ и Азовскихъ походовъ.

Потребность въ преобразованіи войска у насъ возникла очень рано, еще при Михаилѣ Θеодоровичѣ. Первымъ толчкомъ къ нему было изобрѣтеніе пороха и распространеніе огнестрѣльнаго оружія. Слѣдовательно, какъ и въ западной Европѣ, развитіе огнестрѣльнаго боя повело и нашихъ предковъ къ существеннымъ видоизмѣненіямъ боеваго порядка, къ улучшеніямъ въ военномъ искусствѣ, устройствѣ войскъ, вооруженіи, снаряженіи и т. д., и чѣмъ болѣе совершенствовалась техника огнестрѣльнаго оружія, тѣмъ болѣе было стремленіе къ *упрощеніямъ строя* и *объединенію управленія войскъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершенствовалось и военное законодательство. Въ этомъ отношеніи есть параллельность, послѣдовательность въ ходѣ событій въ Россіи и въ Европѣ, откуда собственно, и главнымъ образомъ изъ св. Римской Имперіи, или черезъ Литовско-Польское государство, шли заимствованія всего новаго, замѣчательнаго и полезнаго. Московское правительство тогда уже, особенно въ военномъ искусствѣ, чутко относилось ко всему новому. Къ сожалѣнію литературнымъ путемъ многое доходило въ Москву слишкомъ поздно: сочиненіе „Ученіе и хитрость“ появилось у насъ въ переводѣ, въ 1647 г., а на нѣмецкомъ языкѣ въ Германіи оно появилось до начала тридцатилѣтней войны [6]); приходившіе же къ намъ на службу иноземцы въ началѣ рѣдко были людьми свѣдущими.

въ 1698 г., Москва, 1867 г. «О ратномъ поведеніи» донесеніе боярину Θеодору Алексѣевичу Головину, подалъ Иванъ Посошковъ въ 1701 году.

[6]) Въ сочиненіи прошедшаго столѣтія магистра философіи Фридриха Шмита, въ переводѣ *Иванова* съ нѣмецкаго на русскій языкъ, подъ заглавіемъ „Начертаніе о началѣ и успѣхахъ въ устроеніи регулярнаго войска и морской силы въ Россіи“, Москва, 1798 г., на стр. 13 сказано: „Царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ перевести съ нѣмецкаго на россійскій языкъ превосходнѣйшую по тогдашнему времени тактику Леонгарда Фронспергера, изданную въ 1596 г. во Франкфуртѣ“. Заключеніе автора ошибочное. „Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей“, есть переводъ соч. *Вальгаузена*, Данцигскаго вахтмейстера. (Мнѣніе профессора А. К. Пузыревскаго).

Въ Европѣ, въ XVI столѣтіи, кромѣ *наемныхъ войскъ*, явилось войско *поселенное* (въ Швеціи, Даніи, Имперіи, Франціи). Вся западная Европа передъ тридцатилѣтней войной знала уже не однихъ наемниковъ, но и солдатъ національнаго войска, составленнаго изъ туземцевъ; затѣмъ въ тридцатилѣтней войнѣ правители окончательно могли убѣдиться, что распускать солдатъ по окончаніи военныхъ дѣйствій во всѣхъ отношеніяхъ невыгодно и убыточно: и разорительно для кармана, и вредно въ военномъ отношеніи. На шведскихъ же войскахъ Густава Адольфа могли видѣть, какое превосходство имѣетъ войско, *испытанное въ долговременной службѣ*, бывшее многіе годы въ постоянной готовности къ бою. Но послѣ его смерти и шведскія непобѣдимыя войска разстроились [7]).

Данные этимъ войскамъ военно-уголовные законы, приняты были всѣми лучшими протестантскими государями, но не ранѣе, какъ по окончаніи тридцатилѣтней войны, т.-е. во второй половинѣ XVII вѣка, когда собственно и стали развиваться основы военнаго искусства новѣйшихъ временъ. Знали, что шведское войско поддерживалось особою системою комплектованія, введенною Густавомъ Адольфомъ, и что эта *поселенная система* была соображена со средствами небогатой Швеціи. Поселенная система была усовершенствована Карломъ XI, возобновившимъ въ 1683 году военно-уголовные законы Густава Адольфа.

Послѣ Вестфальскаго мира, изъ войскъ поселенныхъ и помѣстныхъ, въ Германіи стали выдѣляться постоянныя регулярныя войска, сначала съ подмогою вербовки, а потомъ комплектованіе ихъ предпочли основывать на обязательной поставкѣ рекрутовъ сословіями. Во Франціи постоянныя регулярныя войска введены были съ 1445 г., въ Австріи— съ 1681 г. и наконецъ въ Россіи—съ 1689. Въ этомъ отношеніи Россія шла слѣдомъ за Европой и почти не отставала отъ Германіи, но въ учрежденіи *правильныхъ рекрутскихъ наборовъ* съ 1705 года она опередила всѣ европейскія государства [8]).

---

[7]) См. Рюстова. Исторія пѣхоты въ переводѣ А. К. Пузыревскаго.

[8]) Комплектованіе регулярныхъ войскъ посредствомъ рекрутскихъ наборовъ утвердилось въ западной Европѣ послѣ войны за Испанское наслѣдство.

Постоянныя войска по рекрутской системѣ комплектовались въ Швеціи съ

Мы не будемъ входить въ подробности, какъ русскія войска прежде формировались и устраивались. Укажемъ только на общія черты ихъ устройства со времени Михаила Θеодоровича.

1) *Помѣстныя войска.* Это была старая дворянская кавалерія, постепенно образовавшаяся изъ дружины; теперь, со второй половины XVII вѣка, она являлась войскомъ, уже подлежащимъ уничтоженію, войскомъ, не удовлетворяющимъ требованіямъ военнаго искусства, войскомъ, оттягивающимъ лучшія интелигентныя силы отъ экономическаго производства. Новыя же войны требовали небывалыхъ прежде расходовъ на порохъ, свинецъ, фитиль, деготь; громадное количество разнаго матеріала теперь приходилось возить за арміей и имѣть эти запасы въ постоянной исправности. Но для этого требовались деньги и деньги, то есть, выдвигалея вопросъ о реформѣ въ системѣ налоговъ, а слѣдовательно затрогивались вопросы о безотлагательномъ ихъ взносѣ и регулярномъ поступленіи въ центральную кассу. Въ Россіи вопросъ объ упраздненіи помѣстнаго войска разрѣшенъ былъ безповоротно въ продолженіи *тринадцатилѣтней* войны, которая имѣетъ для насъ такое же значеніе, какъ *тридцатилѣтняя* война для западной Европы; какъ тамъ убѣдились въ негодности рыцарской кавалеріи, такъ и у насъ увидѣли несостоятельность помѣстной конницы для веденія упорной, продолжительной борьбы. Въ началѣ тринадцатилѣтней войны Алексѣй Михайловичъ могъ выставить десятки тысячъ этой конницы, въ концѣ же войны мы ея уже почти не видимъ; въ Крымскихъ и Азовскихъ походахъ она являлась въ ограниченномъ числѣ, и окончательно изчезаетъ въ теченіе сѣвер-

---

конца XVI вѣка, но рядомъ съ національными были вербовочные, иноземные полки (Нѣмецкіе, Англійскіе). Въ Австріи постоянные рекрутскіе наборы утвердились съ 1722 года, во Франціи наборы стали правильными съ 1726 года, но наряду съ ними допускалась и вербовка, до времени великой революціи. Прусская армія продолжала комплектоваться исключительно вербовкой (кромѣ большей части кавалеріи), до Іенскаго погрома въ 1806 г. (Сообщено А. К. Пузыревскимъ). *Рюстовъ*, въ „Исторіи пѣхоты“, часть II, полагаетъ, что рекрутскіе наборы стали производиться во Франціи съ 1703 года а въ Пруссіи съ 1736 года.

ной войны [9]). Исторически роль этой конницы кончилась заключеніемъ Андрусовскаго перемирія. Причинъ тому слишкомъ много. Главнѣйшая та, что организація помѣстной конницы не соотвѣтствовала съ одной стороны — экономическому развитію государства, съ другой — требованіямъ новѣйшаго военнаго искусства съ огнестрѣльнымъ боемъ. Устройство помѣстнаго войска состояло въ томъ, что помѣщики и вотчинники, дворяне и бояре, нерѣдко потомки князей Рюрикова дома, по зову государя, вооружались сами, брали лошадей, вооружали и снаряжали свою челядь и являлись на сборный пунктъ, ведя за собою по 5, 10, 20, 40 и болѣе разнаго рода людей, большею частію взятыхъ отъ сохи мужиковъ; явившись на сборные пункты, устроивались на скорую руку, по сотнямъ, и шли

---

[9]) Московскихъ чиновъ люди были на службахъ:

въ 1-мъ Крымскомъ походѣ		6,112	чел.
во 2-мъ „ „		6,319	„
въ 1-мъ Азовскомъ „		5,515	„
во 2-мъ „ „		5,528	„

Въ нѣтѣхъ:

въ 1-мъ Крымскомъ походѣ		719	чел.
во 2-мъ „ „		618	„
въ 1-мъ Азовскомъ „		1,118	„
во 2-мъ „ „		1,129	„

Въ домѣхъ:

въ 1-мъ Крымскомъ походѣ		711	чел.
во 2-мъ „ „		885	„
въ 1-мъ Азовскомъ „		1,329	„
во 2-мъ „ „		1,337	„

Передъ формированіемъ арміи въ *Полоцкѣ*, въ 1705 г., по плану фельдм. Огильви, Московскихъ чиновъ людей и городовыхъ дѣтей явилось 8,092 чел.

Изъ нихъ написаны:

въ драгуны	2,800	чел.
второй статьи	494	„
за старостью и худобою написаны съ городами	572	„
въ матиматической	16	„

Недорослей, которые на службу не поспѣли и за малыми лѣты отпущены на домъ 2,832 ч.—*Устряловъ*, Ист. Петра В., ч. IV, прилож. IV.

въ походъ. Изъ челядниковъ выдѣлялось нѣкоторое число людей для обоза, а обозы эти были громадные; запасовъ нужно было имѣть не менѣе какъ на три мѣсяца. Понятно, что такая конница не имѣла боевой устойчивости; а между тѣмъ до половины XVII вѣка она составляла главную силу московскаго государства. Но безъ добычи дворянская конница не могла долго существовать; притомъ подъ ядрами и пулями удальство показывать уже не приходилось. Новому государству нужно было развить свое матеріальное богатство, объединить разнородные интересы и создать свои собственныя интелигентныя силы. Потребность просвѣщенія съ половины XVII вѣка струилась черезъ всѣ щели все болѣе и болѣе разшатывавшейся приказной администраціи московскаго государства.

2) *Стрѣльцы.* Этого рода пѣхота у насъ появилась при Іоаннѣ Грозномъ и была не особенно многочисленна: въ эпохи наибольшаго ея развитія число стрѣльцовъ не превышало 30,000 человѣкъ. Полками стали ихъ называть позже, съ переименованіемъ головъ въ полковники и капитаны стрѣльцовъ. Стрѣльцы пользовались значительными преимуществами, даже въ сравненіи съ посадскими; званіе стрѣльцовъ было наслѣдственнымъ; они получали изъ царской казны жалованье, провіантъ, одежду, сукно, и обязаны были отправлять караульную службу, учиться строю, обучаться стрѣльбѣ, „почасту"; казеннаго пороха, который хранился за печатью до времени военныхъ дѣйствій, имъ не давали: они должны были для стрѣльбы покупать свой собственный порохъ: „на то имъ дается жалованье", говорилось въ Наказѣ. При такомъ условіи стрѣльцы, вѣроятно, старались расходовать какъ можно менѣе пороха, за то были въ обычаѣ „поминки" стрѣлецкому головѣ и сотеннымъ начальникамъ. Войско это первоначально, въ XVI вѣкѣ было хорошимъ и имѣло дѣйствительно въ прошломъ добрую славу; но постоянно возраставшія привиллегіи погубили стрѣльцовъ; торговыя льготы слишкомъ сильно привязывали ихъ къ промышленнымъ, мирнымъ интересамъ и заставляли забывать главное, военное ремесло. Въ тринадцатилѣтней войнѣ они окончательно обнаружили неспособность къ продолжительной войнѣ, и тутъ начинается ихъ упадокъ въ прав-

ственномъ отношеніи: нравственный упадокъ въ войскѣ на военномъ языкѣ означаетъ *упадокъ дисциплины*, а отсюда не далеко до своеволія, неповиновенія власти и даже мятежа, какъ это обнаружили позднѣйшія событія. Сохранять стрѣльцовъ, не уничтожая ихъ привиллегій, было бы безразсудствомъ и въ военномъ, и въ политическомъ отношеніи: это ясно обозначилось уже въ 1682 г., при кончинѣ Θеодора Алексѣевича. Правительству оставалось только одно—обогащавшіяся семьи стрѣльцовъ отъ промысловъ и торговли обратить въ мирныхъ гражданъ, какими они были по существу своей организаціи.

Въ устройствѣ стрѣлецкаго войска первоначально много взято было отъ ландскнехтовъ, но нѣмецкіе ландскнехты были замѣнены провинціальной милиціей подъ командою Landobersten, также оказавшейся негодною для продолжительной войны съ огнестрѣльнымъ боемъ; а у насъ къ стрѣльцамъ были привиты несовмѣстныя съ воинскою службою привиллегіи.

3) *Поселенное войско*. Полки, поселенные по шведской границѣ, были устроены первоначально при Михаилѣ Θеодоровичѣ и притомъ по шведскому образцу. Ихъ называли иноземными полками „стараго строя“; начальными людьми въ нихъ сначала были иноземцы; туда же попало не мало нѣмцевъ изъ прибалтійскихъ областей, подвластныхъ Швеціи. Эти полки не нужно смѣшивать съ наемными иноземцами, тѣлохранителями: таковые были уже при Іоаннѣ Грозномъ. Число этихъ послѣднихъ особенно увеличилъ Борисъ Годуновъ: у него было 2,500 нѣмцевъ. Затѣмъ, по примѣру Швеціи, именно Густава Адольфа, у насъ стали заводить изъ крестьянъ поселенное солдатское войско, которое на случай войны выдѣляло изъ себя опредѣленное число солдатъ для дѣйствующей арміи. Подъ Смоленскомъ въ 1632 г., Михаилъ Θеодоровичъ имѣлъ 6 солдатскихъ полковъ, 1 драгунскій и 1 рейтарскій. Для устройства этихъ-то именно полковъ и посланы были въ 1631 году полковники фонъ-Дамъ и Лесли, первый въ Голландію, а второй въ Швецію, для набора офицеровъ, капраловъ, рейтаръ, покупки оружія, пороху, свинцу. Густавъ Адольфъ, занятый войной въ Германіи, съ большимъ вниманіемъ отнесся къ просьбѣ русскаго царя. Шведскіе офицеры школы

Густава Адольфа внесли, безъ сомнѣнія, и свои обычаи. Гораздо позже образованы были полки солдатскіе „новаго строя", тоже съ начальными людьми иноземцами; туда попало много шотландскихъ фамилій, бѣжавшихъ во время революціи и принятыхъ въ Россіи въ числѣ 3,000 человѣкъ. Затѣмъ, въ теченіе тринадцатилѣтней войны постоянно прибывали иноземцы разныхъ странъ: шведы, датчане, голландцы и т. п. Наконецъ, съ 1682 г. стали являться французы гугеноты. Солдатскіе полки послужили матеріаломъ для образованія регулярныхъ полковъ у насъ, какъ и въ западной Европѣ. У насъ они возрастали по окончаніи тринадцатилѣтней войны; въ теченіе же этой тяжкой войны поселенные солдатскіе полки пришли въ разстройство. Въ 1666 году многіе иноземные офицеры были отпущены за границу; а по заключеніи Андрусовскаго мира въ русскую службу вступили плѣнные поляки и литовцы, во множествѣ переженившіеся на русскихъ дѣвушкахъ.

Семьи поселенныхъ солдатъ, какъ это видно изъ оффиціальныхъ документовъ, относящихся къ 1658 — 1662 гг., обязаны были платить подати, ставить постоянно новыхъ солдатъ на театръ военныхъ дѣйствій, отправлять караульную службу въ мѣстныхъ острогахъ и городахъ. Эти обстоятельства, въ соединеніи съ неудачами войны и гибелью множества солдатъ на войнѣ отъ голода и побѣговъ, а равно и моровой язвы, были причиною полнаго экономическаго разстройства поселенныхъ полковъ и не только старыхъ, но и новыхъ, возникшихъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича. На войнѣ солдаты получали отъ казны оружіе, порохъ и жалованье. На счетъ получаемаго жалованья они должны были сами себя продовольствовать. Но когда деньги упали въ цѣнѣ (съ 1657 г.), ихъ стало продовольствовать само правительство.

У насъ, какъ и на Западѣ, поселенныя войска послужили, однако, какъ сказано, кадрами къ учрежденію регулярныхъ войскъ. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи Россія шла за другими государствами той эпохи. О необходимости увеличенія солдатскихъ и рейтарскихъ полковъ не разъ говоритъ въ своихъ письмахъ къ царю *Ордынъ Нащокинъ*. И дѣйствительно, съ 1668 г. поселенные солдаты

стали являться на Украйнѣ. Въ 1682 году было уже болѣе 50 солдатскихъ и рейтарскихъ полковъ.

4) Четвертаго рода войскомъ были *пушкари*, пользовавшіеся почетомъ, какъ и въ Германіи: они явились у насъ одновременно со стрѣльцами при Іоаннѣ Грозномъ. Все, что касается ихъ организаціи, представляется близкимъ подражаніемъ тому, что было у нѣмцевъ, имперцевъ; мы видимъ. напр., что уставы для пушкарей цѣликомъ взяты у Фронспергера. Матеріальная часть артиллеріи была въ хорошемъ состояніи еще при Михаилѣ Θеодоровичѣ, что видно изъ „записной книги пушекъ, пищалей и военныхъ снарядовъ во всѣхъ городахъ Россіи въ царствованіе царя Михаила Θеодоровича“ (рукопись in folio, въ Императорской публичной библіотекѣ). Артиллерія — крѣпостная, гранатная и полковая у насъ была многочисленная, но крайне разнообразная по калибру орудій. Порохъ въ „городахъ“ и „острогахъ“ берегли, ядра пересчитывали, пушкарей (Büchsenmeister) постоянно выписывали изъ Германіи.

5) Пятаго рода войскомъ были *казаки:* донскіе и украинскіе или черкасскіе. Описывать ихъ было бы лишнимъ, такъ хорошо извѣстна исторія ихъ возникновенія и ихъ организація, сохранявшаяся безъ существенныхъ перемѣнъ. Казаки въ исторіи Россіи XVII вѣка являются войскомъ съ обоюдо-острымъ мечомъ; какъ православные люди, они составляли надежную опору для московскаго государства, доколѣ не превозмогали у нихъ другіе интересы; но какъ вооруженная нація, войско это становилось весьма опаснымъ для образующагося государства; казаки не разъ подавали руку врагамъ Алексѣя Михайловича и его преемниковъ. Этою слабою стороной пользовались и ханъ крымскій—татаринъ, и король польскій — католикъ, и шведскій король—лютеранинъ.

Вліяніе иноземцевъ съ начала XVII вѣка сказалось у насъ весьма замѣтно въ двухъ отношеніяхъ: кромѣ призыва иноземныхъ офицеровъ для участія въ устройствѣ и обученіи войска, являлись переводы или заимствованія изъ произведеній иностранной военной литературы. И у насъ была своя „Воинская книга“, переведенная по повелѣнію Василія Іоанновича Шуйскаго придворными нѣмецкими переводчиками Юрьевымъ и Θоминымъ (Рукопись in folio, на

76 листахъ, въ императорской публичной библіотекѣ содержитъ свѣдѣнія по артиллерійской части о приготовленіи пороха „сирѣчь зелія для стрѣлянія", о стрѣльбѣ изъ пушекъ и пищалей).

Посольскій приказъ слѣдилъ за ходомъ всякаго рода улучшеній въ войскахъ св. римской имперіи. Этимъ обстоятельствомъ объясняется появленіе перваго извѣстнаго намъ *военнаго устава* подъ заглавіемъ „Уставъ ратныхъ, пушкарскихъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки". На немъ слѣдуетъ остановиться и охарактеризовать его. Онъ изложенъ въ формѣ непрерывныхъ статей. Изъ ст. 7-й мы видимъ что въ нашихъ войскахъ, какъ и въ нѣмецкихъ, на сборныхъ пунктахъ передъ началомъ похода и на походѣ читались военные артикулы, или „статьи", т.-е. уже въ началѣ XVII столѣтія въ русскихъ войскахъ были списки военно-уголовныхъ законовъ; по всей вѣроятности это были переводы артикуловъ Максимиліана II для пѣхоты и кавалеріи. Вотъ текстъ статьи 7-й, или указа, подъ заглавіемъ: „*О заповѣдѣхъ, и о повельніяхъ, и о урядствахъ, и о уставѣхъ воинскихъ людей*". „Аже будетъ доведется война зачати, подобаетъ для всякихъ мѣръ, ко всѣмъ дѣламъ войско устроити, воинской думою (это Kriegsrath—Фронспергера) и иными приказными людьми..... А потомъ (т.-е. послѣ сбора ратныхъ людей) доведется во всѣхъ станѣхъ конныхъ и пѣшихъ иныхъ рядовыхъ всякихъ воинскихъ людей трубнику (т.-е. герольду, herold) вездѣ трубити, послѣ того велѣти явно выкликати, и велѣти воеводѣ *статьи письменные коннымъ и пѣшимъ людямъ прочести*, для того-либо доведется, къ которой приточной мѣрѣ, чтобъ всякой вѣдалъ по статьямъ (т.-е. по артикуламъ) обстояніе дѣлу, и на которой мѣрѣ какому быти и что кому дѣлати. А противъ тѣхъ статей (артикуловъ) подобаетъ быти всякимъ приказнымъ крѣпкимъ и грознымъ и держати подъ началомъ своихъ воинскихъ людей въ достойной грозѣ, какъ убогова, такъ и богатова, чтобъ ихъ держати въ добромъ урядѣ и строеніи.... и таковому полковому строенію *статейнымъ росписямъ* (военнымъ артикуламъ) *доведется съ нихъ противно письменные роздати воеводамъ и головамъ конныхъ и пѣшихъ людей, и такіе статьи всякимъ людямъ, сже мѣсяцовъ на сходѣхъ* (сборахъ) *по воеводскому велѣнію памятовати и прочитати для того,*

чтобъ всякій того не забывалъ и памятовалъ". Изъ моего сочиненія „Состояніе военнаго права въ западной Европѣ въ XVI, XVII и началѣ XVIII вѣковъ" видно, что таковые же порядки существовали въ войскахъ западной Европы въ XVI столѣтіи; у Фронспергера имѣются подробныя свѣдѣнія объ организаціи военно-судебной части въ войскахъ имперскихъ второй половины XVI вѣка. Эти порядки старались привить къ нашимъ войскамъ вмѣстѣ съ организаціей войска *иноземнаго* строя.

Предводителемъ войскъ былъ „большой полковой воевода", много испытанный и въ воинствѣ искусный мужъ. Его подручнымъ былъ полковой или всего воинства маршалокъ, отъ нѣмецкаго слова feld-marschalck. *Полковой маршалокъ* имѣетъ подъ государемъ, или подъ воеводою полную власть и мочь надо всѣми полки во всякихъ мѣрахъ. Слово „маршалокъ" у насъ однако не удержалось, въ сущности его замѣнилъ *товарищъ воеводы*. Онъ дѣлалъ всѣ распоряженія, какъ начальникъ штаба арміи; ему подчиненъ былъ „большой или воеводскій приставъ" (ober-feld-profoss): „да маршалку же подобаетъ" устрой держати къ большому приставу, который заботился о продовольствіи войскъ „и что обстоитъ о судныхъ и расправныхъ дѣлѣхъ и надъ тѣмъ ему надзирати же, чтобъ тѣмъ вездѣ всякіе люди были въ тишинѣ и въ покоѣ, и всякую бъ онъ злобу наказаніемъ своимъ усмирялъ.... Тотъ же воеводскій приставъ завѣдывалъ плѣнными—„полоняники или вяжи". За маршалкомъ слѣдовалъ „пушкарскій голова" (нѣмецкій — zeugmeister, feld-zeugmeister), который былъ третьимъ лицомъ въ войскѣ и дѣлалъ соображеніе вмѣстѣ съ маршалкомъ, гдѣ слѣдуетъ разставлять артиллерію „гдѣ по станомъ коннымъ и пѣшимъ воинскимъ людямъ и *наряду* и всякимъ запасомъ порознь стояти" (ст. 9) —Повѣрку людей по спискамъ въ станахъ дѣлалъ „*Большой окольничій* (у нѣмцевъ — musterherr) много разумный, испытанный и много искусный мужъ.... и у смотру ему быти воинскимъ приказнымъ человѣкомъ". За веденіе смотровыхъ списковъ „коннымъ и пѣшимъ воинскимъ людямъ" онъ получалъ „десятый пѣнязь" (ст. 10). *Большой воинскій приставъ*, (ober-feld-profoss) завѣдывавшій продовольствіемъ и судебными дѣлами, не могъ налагать наказанія безъ приказу маршалка, т.-е. товарища

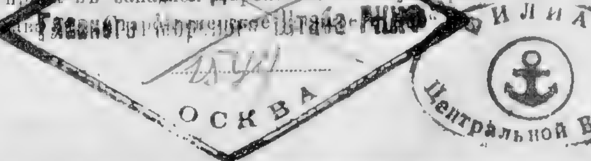
воеводы „а опричь его въ томъ никому власти не имати" (ст. 11). О должности большаго чиноначальника, напоминающаго нѣмецкаго *оберъ-шулдгейса* (ober-schuldheiss) въ 18-й статьѣ такъ сказано: „*указъ о чину и о приказъ большаго чиноначальника*, подобаетъ большому маршалкѣ по утру, или въ вечеру присрочити часъ всякимъ людямъ челобитникомъ, кому на кого доведется бити челомъ и челобитныхъ выслушати, и будетъ какія *великія дѣла объявятся* и ему призывати головъ и иныхъ, разумныхъ людей, и держати у себя книгу, именуемую по-французски „Ле Дроа", а по-нѣмецки „Спекулюмъ сосокницы (саксонпцы?) юрисъ", а по-польски и по-литовски „Статутъ", а по-русски „Судебникъ". А что онъ учнетъ по той книгѣ дѣлати и противъ того никому встрѣчно не крамолити". Для подобнаго разбирательства у имперцевъ былъ въ каждомъ полку шульдгейсъ и двѣнадцать судей, избираемыхъ полковникомъ изъ жителей общины. Судъ производился гласно и изустно. Процессъ былъ основанъ на обвинительномъ началѣ [10]). Въ „Уставѣ ратномъ" о формѣ процесса ничего не сказано. Но въ слѣдующемъ уставѣ „Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей" въ числѣ чиновъ полка перечислены: полковой судья, 10 цѣловальниковъ (т.-е. присяжныхъ) по числу ротъ, приставъ или профосъ (профостъ) и подначальные люди.

Судебное разбирательство въ русскихъ войскахъ производилось по Судебнику, замѣненному потомъ Уложеніемъ. Но иностранцы судились по своимъ *правамъ*. „Большому приставу" подчинялись извѣстнаго рода люди „сколько пригоже, чтобъ былъ не безсиленъ, и былобъ ему съ кѣмъ въ полкахъ злодѣевъ и воровъ изымати, какъ его чинъ и приказъ показуютъ" (ст. 18). У нѣмцевъ это были палочный мастеръ, палочные слуги и палачъ (Stockmeister, Stockenknechte, Scharfrichter).

Въ войскахъ Михаила Ѳеодоровича старшіе начальники въ военное время имѣли такія же обязанности, какія описаны Фронспергеромъ, въ его „Kriegsbuch"; упоминаемые въ наказахъ „дьяки", вѣроятно, заступали мѣсто „большаго

---

[10]) См. „Состояніе военнаго права въ западной Европѣ въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ". [illegible]

чиноначальника“, завѣдывавшаго судебнымъ разбирательствомъ, по челобитнымъ. Но о приставахъ упоминается еще въ гл. VII Уложенія.

Вся вторая часть „Устава“ касается исключительно артиллеріи. Для насъ особенное значеніе имѣютъ статьи отъ 311 до 332 включительно, какъ прямой переводъ 49 артикуловъ нѣмецкихъ изъ Фронспергера.

Переводчикъ довольно странно воспользовался оригиналомъ. Въ статейную роспись пушкарскую онъ вставилъ не только военный артикулъ для пушкарей, но и наставленія о стрѣльбѣ изъ орудій, объ обращеніи съ ними, о приготовленіи пороха, селитры и проч. Вообще разбирать этотъ переводъ, при своеобразной перестановкѣ матерьяла, безъ нѣмецкаго оригинала довольно трудно. У Фронспергера военно-уголовные законы для пушкарей помѣщены въ 49-ти артикулахъ подъ заглавіемъ „Artickelsbrieff der Büchsenmeister“ (статьи для пушкарей); у Михайлова въ „Уставѣ“ они соединены въ 22 статьяхъ, отъ 311 до 332 включительно. Далѣе съ 333 до 338 статьи включительно помѣщенъ матеріалъ, составляющій *введеніе* уже къ другому большому отдѣлу у Фронспергера подъ заглавіемъ: „Beschützes Innhalt (Fronsperger - Kriegsbuch, 1573 г., ч. II, стр. 161), у Михайлова же этотъ и всѣ слѣдующіе заголовки попадаютъ въ текстъ самыхъ статей. Со статьи 339 излагается собственно о должности *пушкарей при орудіяхъ*. „Нынѣ на послѣди объявлено двадесять статей о обстояніи снаряду, и про то довлѣетъ коему пушкарю вѣдати имѣти“. Это переводъ слѣдующаго заголовка, напечатаннаго большими буквами у Фронспергера: „Nun folgen hernach 20 Artickel vom des Geschützes Innhalft, einem jedem Büchsenmeister nötig zu wissen“ [11]).

Самый переводъ у Михайлова близко слѣдуетъ оригиналу Фронспергера, въ томъ же порядкѣ, артикулъ за артикуломъ. Въ статьѣ 320, передающей артикулъ 20 Фронспергера, о правѣ убѣжища у орудій, такой переводъ:

---

[11]) „Уставъ“ Онисима Михайлова ч. II, стр. 57. „Kriegsbuch“ ч. II, стр. 161. Розенгеймъ въ своей исторіи, въ приложеніи „статейной росписи“, помѣстилъ статьи съ 311 по 339; но послѣднія статьи съ 333 по 339 не принадлежатъ къ военно-уголовнымъ артикуламъ пушкарей; это совершенно другіе законы, чисто военно-административные.

Ст. 320. Да аже будетъ кто въ иныхъ мѣстахъ нѣчто преступитъ мимо своего крестнаго цѣлованья, конной-ли онъ человѣкъ или пѣшей а прибѣжитъ къ снаряду и тому вольность на день и на ночь или на двадесять четыре часа; потомъ его отпустятъ.

Art. 20. Dem, welcher an andern Ort etwas verwirckt, es wer Reuter oder Fussknecht, und er zu der Arckeley käm, der sol vier und zventzig Stundt, oder Tag unnd Nacht ein Freyheit haben (мы сохраняемъ буквально правописаніе подлинника). Fronsperger, „Kriegsbuch", ч. II, стр. 159.

Далѣе, въ той же статьѣ, Онисимъ Михайловъ отъ себя прибавляетъ еще слѣдующее: „А ему остерегатися, чтобъ его не изымали, кому онъ виненъ, а изымутъ, поведутъ его въ свой приказъ на судъ, а съ суда укажутъ наказаніе дати смертное-ли или животное, по обстоянію дѣла". Очевидно, вся постановка нѣмецкаго артикула 20 въ статьѣ 320 этою добавкою извращается. Но это единственная существенная вставка. Затѣмъ переводъ представляетъ еще другую особенность: наказаніе „Leibsstraff" переводится вездѣ какъ „наказаніе смертное" вмѣсто „тѣлесное наказаніе". Такое неправильное истолкованіе нѣмецкаго слова дѣлаетъ весь уголовный законъ для пушкарей въ русскомъ переводѣ чрезвычайно жестокимъ: за такія неважныя преступленія, какъ, напримѣръ, если кто-нибудь подойдетъ къ затравкѣ пищали или пушки, назначается смертная казнь... у Фронспергера же стоитъ Leibstraff. Въ дальнѣйшія подробности „Устава" мы входить здѣсь не будемъ. Усилилъ-ли наказуемость самъ переводчикъ отъ себя, или въ началѣ XVII вѣка наказанія эти были усилены и въ Германіи, рѣшить трудно.

Вотъ и все, что мы имѣемъ по военно-уголовному законодательству отъ времени Михаила Ѳеодоровича; безъ сомнѣнія могли быть и другіе переводные памятники, но какъ число списковъ съ нихъ было весьма ограничено, то они могли легко затеряться, особенно въ военное время; если вышеприведенный чрезвычайно важный памятникъ только случайно былъ найденъ Потемкинымъ въ оружейной и мастерской палатѣ въ концѣ XVIII вѣка и напечатанъ въ 1781 г., то понятно, что болѣе мелкіе списки артикуловъ и статей, обращавшіеся въ рукахъ воеводъ, полковниковъ и стрѣлецкихъ головъ на походахъ и въ бояхъ могли совершенно затеряться. Въ мирное время въ нихъ не нуждались по самой организаціи войскъ,

какъ сейчасъ увидимъ. Всѣ мои поиски, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, не увѣнчались успѣхомъ, и потому въ настоящее время приходится довольствоваться несомнѣннымъ свидѣтельствомъ о существованіи артикуловъ (статей) для артиллеристовъ; если были переведены эти послѣдніе, то безъ сомнѣнія переводились артикулы для пѣхоты и для конницы, тѣмъ болѣе, что у того же Фронспергера имѣются не только извѣстные тогда военно-уголовные законы Максимиліана II, но и уголовное уложеніе Карла V. При этомъ въ ст. 7 прямо сказано, что *статьи* (т.-е. военные артикулы) обязаны были прочитывать *со списковъ*, посылаемыхъ отъ воеводъ, пѣшимъ и коннымъ людямъ, и всякимъ людямъ, передъ началомъ войны и ежемѣсячно въ теченіи всей войны. И такое же правило соблюдалось во всѣхъ войскахъ Европы въ XVII столѣтіи. Артикулы обязаны были прочитывать солдатамъ шульдгейсы (полковые судьи), или же капитаны (во Франціи). Толкованіе ихъ было общимъ правиломъ.

Съ воцареніемъ Алексѣя Михаиловича у насъ замѣчается поворотъ къ кореннымъ улучшеніямъ въ войскѣ, о чемъ говоритъ самъ Петръ I въ началѣ своего манифеста, при которомъ былъ обнародованъ „Уставъ Воинскій“. И эти улучшенія дѣлались при содѣйствіи иноземцевъ, постоянно прибывавшихъ съ 1648 года. „Вѣяніе“ Запада все дѣлалось болѣе и болѣе сильнымъ, и иноземное вліяніе все замѣтнѣе проникало въ бытъ русскаго войска. Вліяніе западничества на русское молодое общество съ половины XVII вѣка, замѣтнѣе всего *на ратномъ дѣлѣ*. Тутъ Россія принимала отъ Европы все, что могла и должна была принять или непосредственно черезъ посольскій приказъ и призываемыхъ въ войско иноземцевъ, или же посредствомъ близкаго сосѣдства съ Литовско-Польскимъ Государствомъ. Устройство войскъ, ихъ снаряженіе, снабженіе оружіемъ (мушкеты, бандолеры), порохомъ, свинцомъ, военные законы, съ первыхъ же лѣтъ царствованія Алексѣя Михаиловича, неотступно шли изъ западной Европы, преимущественно изъ цесарскихъ земель. Все это, конечно, было принимаемо безъ всякаго брака, безъ критическаго отношенія къ тому, что къ намъ являлось.

„Ученіе и хитрость строенія“ (1647 г.) носитъ общій отпеча-

токъ нѣмецкихъ книгъ того времени: изложеніе дѣла (собственно строевой уставъ) въ этой книгѣ перемѣшано съ нравственными разсужденіями и наставленіями. Въ юридическомъ же отношеніи „уставъ" имѣетъ второстепенное значеніе; только въ правилахъ о караульной службѣ (про сторожу ч. 8-я) упоминается о преступленіяхъ и наказаніяхъ за нарушенія сторожевой службы, преслѣдуются сонъ на часахъ, отсутствіе бдительности часовыхъ ночью, неисправность оружія, неразрѣшенная отлучка съ поста; а о мародерахъ на походѣ сказано прямо, чтобы ихъ вѣшать, для чего въ станѣ на торговой площади имѣлась висѣлица.

Собственно уставная часть строевой службы (пріемы мушкетомъ и пикою, повороты, движенія, марши шеренгами, ротою, полкомъ—въ 10 ротъ) ничѣмъ не отличается отъ современныхъ нѣмецкихъ строевыхъ уставовъ начала XVII вѣка; замѣчательно, что на приложенныхъ къ тексту чертежахъ сохранились даже нѣмецкія буквы, что можно объяснить только передачей досокъ. Во введеніи, подъ заглавіемъ „Предисловіе къ добродѣтельному читателю", авторъ старается убѣдить въ преимуществахъ постояннаго войска передъ временно созываемыми и распускаемыми: онъ доказываетъ превосходство постоянныхъ войскъ въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, дѣлаетъ подробныя исчисленія, во что обходятся странѣ распускаемыя на зиму войска и въ мрачныхъ краскахъ рисуетъ поведеніе цесарскихъ солдатъ послѣ отпуска ихъ (особенно въ Венгріи). Въ теченіе же тринадцатилѣтней войны, какъ увидимъ, русскія войска не уступали цесарцамъ въ грабежахъ и насиліяхъ всякаго рода. Уставъ „ученіе и хитрость" дѣйствовалъ у насъ почти до конца XVII вѣка, и былъ изучаемъ Петромъ Великимъ, пока опытъ и иноземцы, подобные Гордону и Лефорту, не указали на значительныя упрощенія въ строѣ въ Нидерландахъ и Франціи.

Въ концѣ XVII столѣтія послѣ изобрѣтенія штыка, особое существованіе пикинеровъ потеряло смыслъ, самый же строй пѣхоты упростился, вслѣдствіе однородности ея состава. Тогда понятно „ученіе и хитрость" потеряло уже всякое значеніе. Все, что касается пѣхоты въ уставѣ, было разсмотрѣно подробно. Но о конницѣ въ немъ ничего не сказано. О ней Вальгаузенъ писалъ въ другихъ книгахъ,

повидимому, не переведенныхъ на русскій языкъ. Шмитъ [12]) упоминаетъ, что царь издалъ для войскъ уложеніе „Право воинскаго поведенія генераламъ, и меньшимъ чинамъ, такъже и рядовымъ солдатамъ". Но этотъ уставъ, если онъ существовалъ уже при Алексѣѣ Михаиловичѣ, не былъ напечатанъ. Имѣющаяся же рукопись въ публичной библіотекѣ относится къ концу XVII в. (Это искаж. В. Арт. Датс. 1683 г.).

Перехожу къ памятникамъ русскаго законодательства той эпохи, оригинальнымъ. „Соборное уложеніе" 1649 г., замѣнившее судебникъ, не дѣлаетъ никакого различія между служилыми людьми, ратными и нератными. Въ немъ только одна глава VII „О службѣ ратныхъ людей московскаго государства" имѣетъ спеціальный юридическій характеръ для ратныхъ людей, къ какому бы роду войскъ они ни принадлежали. Законодатель здѣсь стремился, главнымъ образомъ, уничтожить безпорядки и злоупотребленія, существовавшія въ войскахъ на сборныхъ пунктахъ (на станѣхъ) и на пути къ нимъ: „А ратнымъ людямъ идучи на Государеву службу, на дорогѣ и на станѣхъ никакимъ людямъ, никакого насильства и убытка не чинити, своихъ и конскихъ кормовъ ни у кого безденежно не имати" (ст. 2). Но оградить интересы мирныхъ жителей страны отъ всякаго рода злоупотребленій со стороны ратныхъ людей — законодательство не могло по отсутствію какой-либо системы въ способѣ продовольствія войскъ, собиравшихся на государственную службу въ указныя мѣста, на основаніи грамотъ, посылаемыхъ въ города къ воеводамъ и приказнымъ людямъ. Препятствіемъ къ тому была самая организація помѣстнаго войска, какъ временнаго ополченія, изъ служилыхъ людей, собиравшихся толпами со всѣхъ концовъ земли Русской. На походѣ же, въ военное время, глава VII рѣшительно не могла имѣть юридической силы, что доказано вполнѣ въ тринадцатилѣтнюю войну съ Польшею и ея союзниками. Лихоимство, грабежи, опустошенія, побѣги, самоуправство и насилія ратныхъ людей въ эту войну превосходили всякую мѣру.

Глава VII, стремясь къ огражденію интересовъ мирныхъ

---

[12]) Въ соч. „Начертаніе о началѣ и успѣхахъ въ устроеніи регулярнаго войска и морской силы въ Россіи", на стр. 13.

граждань отъ посягательствъ ратныхъ людей, узаконяетъ даже уклоненіе служилыхъ ратныхъ людей отъ военной службы. „А будетъ у нихъ (у служилыхъ) такихъ дѣтей и братей и племянниковъ и внучатъ не будетъ, а самимъ имъ нѣкоторыми дѣлы на Государевѣ службѣ за болѣзнію или за старостію быти не мочно, и у нихъ взяти на Государеву службу *даточныхъ людей* и *деньги*, смотря по ихъ помѣстьямъ и вотчинамъ и по прожиткамъ" (ст. 17). Ясно, какое широкое поле такой законъ открывалъ для людей имущихъ. Вотчинники и помѣщики теперь легально могли отдѣлаться отъ службы. Уклоненіе отъ военной службы, посредствомъ взноса денегъ въ казну, замѣчается въ это время во всей западной Европѣ; феодалы-рыцари, подобно нашимъ боярамъ, съ начала XVII в., все болѣе и болѣе склонялись къ мирной, гражданской дѣятельности. Нѣкоторые государи, напр. Курфюрстъ Брандербургскій Фридрихъ Георгъ собиралъ откупныя деньги съ феодаловъ-рыцарей, по таксѣ за коннаго солдата, и постепенно образовалъ значительную денежную кассу, которую преемникъ его Фридрихъ Вильгельмъ увеличилъ еще косвенными налогами; такимъ образомъ, въ послѣдней четверти XVII столѣтія маленькій Брандебургъ получилъ средства для устройства и постояннаго содержанія регулярной арміи.

Около половины XVII в., въ Россіи между зажиточнымъ землевладѣльческимъ классомъ было уже распространено отвращеніе къ войнѣ, не мало усиленное и тѣмъ, что со времени изобрѣтенія пороха самыя войны сдѣлались болѣе опасными. Отвращеніе это выразилось у бояръ и дворянъ даже поговоркою: „дай Богъ великому государю служить, а сабли изъ ноженъ не вынимать". Желаніе отдѣлаться отъ военной службы и соединенныхъ съ нею опасностей захватывало не только представителей помѣстнаго войска, но распространялось и на зажиточныхъ стрѣльцовъ и даже на солдатъ поселенныхъ, владѣвшихъ кускомъ земли и дорожившихъ спокойствіемъ для увеличенія своего благосотоянія. Такимъ образомъ военное ремесло, какъ требующее науки и призванія, должно было пасть на особый классъ людей, исключительно отданныхъ ратному дѣлу. Помѣстные служилые и стрѣльцы, поселенные солдаты и пушкари, всѣ эти ратные люди были не столько людьми военнаго ре-

несла, сколько гражданами, стремившимися такъ или иначе отдѣлаться отъ продолжительнаго похода. Время набѣговъ и поисковъ за добычею миновало. Для землевладѣльца, имѣвшаго крѣпостныхъ людей, для человѣка, обогащавшагося промысломъ или торговлею, несравненно выгоднѣе было выставить опредѣленное число конныхъ и пѣшихъ ратниковъ, или заплатить деньги. Такъ и стали дѣлать. Оттого съ половины XVII в. постоянно умножалось число *нѣтчиковъ*.

Уложеніе, стремившееся упорядочить гражданскій бытъ молодаго общества, какъ бы предчувствуя вѣяніе новыхъ началъ въ войнахъ съ огнестрѣльнымъ боемъ, предвидитъ случаи уклоненія, неявокъ, отлучекъ и даже побѣговъ служилыхъ ратныхъ людей; оно въ VII главѣ старается ограничить *законные поводы* къ уклоненію, но оно уже не въ состояніи было остановить господствующей наклонности къ занятіямъ промыслами и торговлею. Если нельзя было соблюсти извѣстныхъ формальностей (ст. 13) для уклоненія отъ ратной службы, то помогала корысть стрѣлецкихъ и сотенныхъ помѣстныхъ головъ и полковниковъ иноземнаго строя. Наконецъ, служилому и ратному воину, до простаго солдата включительно, не было надобности подвергать своего начальника унизительной карѣ (ст. 16), онъ могъ *уклониться* отъ службы собственною волею или *бѣжать*. События позднѣйшаго времени показали безсиліе „Уложенія" остановить побѣги и отлучки изъ войскъ; самовольный уходъ со службы и побѣги развивались въ ужасающихъ размѣрахъ и притомъ въ самое трудное военное время, бѣгали даже съ самаго поля сраженія. Замѣчательно и то, что на подобныя уклоненія отъ службы и допущеніе ихъ законодатель смотрѣлъ весьма снисходительно! Еще болѣе снисходительно онъ смотрѣлъ на противозаконный захватъ служилыми людьми провіанта, на опустошеніе дворовъ и огородовъ, *гдѣ они стоятъ:* „на тѣхъ людѣхъ, кто кому какія убытки учинятъ, тѣ убытки править вдвое"; „и тѣмъ людемъ *по суду и по сыску наказаніе чинити смотря по винѣ*, убытки сыскавъ, отдать тѣмъ людемъ, кто чѣмъ изобиженъ". И только!

Такой законъ въ военное время непримѣнимъ. Тринадцатилѣтняя война (1654—1667 гг.) доказала, что для предотвра-

щенія злоупотребленій и насилій ратныхъ людей надъ мирными жителями своей и непріятельской земли не только не годились эти чисто-гражданскіе законы, но не помогали самыя жестокія наказанія, со всею *произвольною* властью воеводъ. Если исключить уголовныя преступленія: уклоненіе со службы, измѣну, кражу ружья, похищеніе лошади, смертоубійство, изнасилованіе женщинъ, нанесеніе ранъ (когда служилой человѣкъ, ѣдучи на государеву службу или ѣдучи съ государевы службы и учинитъ брань и бой, насильствомъ кого убьетъ или ранитъ, или ограбитъ), то-есть законы въ ст. 8, 9, 20, 28, 29, 30, 32, то всѣ остальныя статьи VII главы „Уложенія" имѣютъ характеръ административныхъ и полицейскихъ распоряженій съ привлеченіемъ виновныхъ ратныхъ людей за разнаго рода насилія и самоуправство надъ мирными жителями, или къ денежному взысканію, или-же къ наказанію произвольному; это прямо говоритъ статья 30, въ которой устанавливается смертная казнь за смертное убійство и за насильство женскому полу: „а за *иное за всякое насильство и за грабежъ чинити имъ наказаніе, смотря по винѣ.* А что они у кого грабежомъ возмутъ, и то на нихъ правити вдвое и отдавати тѣмъ людемъ, у кого они что грабежомъ возмутъ". Но если въ части войска, ограбившей, положимъ, деревню, не найдется виновныхъ, тогда „въ томъ дѣлѣ дати судъ, и по суду, и по сыску въ томъ во всемъ учинити вѣра крестное цѣлованье".

Противъ насилій и самоуправства военныхъ людей на походѣ и при расквартированіи принимались строгія и энергическія мѣры законодателями Франціи и Германіи еще въ XVI столѣтіи. За насильственный захватъ лошади у крестьянина въ ордоннансѣ Карла IX 1570 г. опредѣлена *смертная казнь*, а по уложенію „кто на службѣ украдетъ лошадь, тому руку отсѣчь (ст. 29); насильственно захваченный фуражъ или провіантъ у жителей возвращался подъ страхомъ смерти (à peine de la vie), а по уложенію — виновный могъ отдѣлаться битьемъ батогами. Вообще по французскимъ ордоннансамъ всякаго рода грабежи по деревнямъ сельскихъ жителей, при расположеніи на квартирахъ и на походахъ, безусловно преслѣдовались смертною казнію (sur peine d'estre pendus et estranglez). Въ этомъ отношеніи опредѣлительно строги были ордоннансы Ген-

риха IV, который, подъ страхомъ смертной казни, преслѣдовалъ всякаго рода насилія пѣхотныхъ и кавалерійскихъ солдатъ. По этому солдатъ наказывался смертью за насильственный захватъ у крестьянъ (gens des champs non portans armes) коровы, барана, овцы и всякой вообще скотины, или же за захватъ у крестьянъ чего-либо, принадлежащаго къ ихъ хозяйству, или же за сжатіе хлѣба и уничтоженіе посѣвовъ. Вообще во французскихъ, равно и въ нѣмецкихъ, законахъ старались ограждать угрозою смерти отъ насилія военныхъ людей не только женщину или дѣвушку, но также старика, священника и церковно-служителя. Въ отношеніи предупрежденія всякаго рода насилій и самоуправствъ со стороны солдатъ надъ мирными жителями наиболѣе полными, категоричными и строгими во всякомъ случаѣ были шведскіе военные артикулы Густава-Адольфа и датскіе военные артикулы Христіана IV. Эти послѣдніе на ряду съ имперскими артикулами существовали въ концѣ XVII ст и у насъ. на русскомъ языкѣ. Но историческая критика еще не объяснила, въ какой степени примѣнялись они въ нашихъ войскахъ *въ военное время*.

Вообще мнѣ кажется, что глава VII „Соборнаго уложенія" предполагала исключительно мирное положеніе государства, а потому и не имѣетъ ничего общаго съ строгими *военными* артикулами той эпохи—французскими, нѣмецкими, голландскими, шведскими и датскими.

„Наказы" воеводамъ при ихъ назначеніяхъ, стрѣлецкимъ головамъ и полковникамъ поселенныхъ солдатскихъ полковъ иноземнаго строя имѣютъ смѣшанный характеръ и также назначались не для военнаго, а для мирнаго времени. Наказы были смѣсью административно-полицейскихъ распоряженій съ законами уголовными, причемъ въ нихъ предоставлялась та же широкая произвольная власть начальнику надъ подчиненными ему ратными людьми, съ правомъ суда и расправы, какая въ ту эпоху существовала въ войскахъ французскихъ и нѣмецкихъ, вообще въ войскахъ государствъ католическихъ. Но въ войскахъ протестантскихъ, послѣ Густава-Адольфа, власть эту ограничило право „коллегіальнаго суда". Наказы, помѣщенные въ Историческихъ актахъ, изданныхъ археографической коммиссіей, служатъ дополненіемъ къ „Соборному уложенію" при обык-

новенныхъ мирныхъ обстоятельствахъ, но не на случай войны. На случай войны, какъ сказано въ ст. 7 „Устава ратныхъ дѣлъ“, должны были существовать особые *военно-уголовные* законы, артикулы или „статьи“.

Въ этомъ насъ утверждаетъ и то обстоятельство, что въ имуществѣ князя Вас. Вас. Голицына, сосланнаго послѣ казни Шакловитаго, находилась книга „Военные артикулы“; это, вѣроятно, былъ переводъ какого-либо сборника артикуловъ, издаваемыхъ во Франкфуртѣ на Майнѣ въ XVII вѣкѣ. Сборники эти переносились къ намъ иноземцами. Иноземные начальные люди, полковники, капитаны и офицеры, безъ сомнѣнія, должны были имѣть въ походахъ военно-уголовные законы или списки съ нихъ въ переводахъ, большею частію искаженныхъ. Датскій артикулъ, подъ страхомъ жестокаго наказанія, требовалъ, чтобы у каждаго офицера были военные артикулы, съ которыми они обязаны были знакомить солдатъ

Поименованные выше „наказы“ имѣютъ чрезвычайно важное значеніе, какъ прямой источникъ для ознакомленія не только съ организаціей постоянныхъ войскъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, но и съ бытомъ такъ-называемыхъ служилыхъ людей ратнаго строя въ мирное время, и со взглядомъ русскаго законодательства той эпохи на ратную службу. Эта служба не отрывала солдата отъ мирныхъ занятій сельскихъ и промысловыхъ. Поселенный солдатъ не отрывался окончательно отъ сельской семьи, а стрѣлецъ съ своимъ потомствомъ былъ на столько же солдатъ, насколько и посадскій, занимавшійся разными промыслами или торговлею. То было общимъ явленіемъ при переходѣ европейскаго общества отъ помѣстныхъ и поселенныхъ ополченій къ регулярному войску.

Вотъ что сказано въ наказѣ *Иванису Кайсарову*, посланному съ иноземными офицерами и съ ружьями, въ концѣ 1649 года, для устройства поселеннаго полка на 1,000 мушкетеровъ въ Старорусскій уѣздъ, пограничный тогда съ Швеціей [13]). Назначенные отъ каждаго двора по одному, а съ большихъ крестьянскихъ семей по два и даже по три въ поселенные солдаты, въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ, кромѣ

13) Дополненіе къ Ист. Акт., т. III, № 65.

увѣчныхъ, освобождались отъ платежа *данныхъ и оброчныхъ денегъ;* взамѣнъ того они не получали жалованья, „*а жили бы на прежнихъ своихъ участкахъ и пашни пахали и угодьи владѣли, и государеву службу служили*“.

По приведеніи ихъ къ присягѣ на вѣрность службы государю, иноземные начальные люди обязаны были обучать ихъ „солдатцкой службѣ стройно и безлѣностно“. Кромѣ мушкета и бандолера, на каждаго солдата для ученія стрѣльбѣ назначено по одному фунту зелья и по фунту свинцу. Офицеры обязаны были наблюдать, чтобъ солдаты не нарушали благочинія, „отъ всякаго воровства велѣть унимать съ наказаніемъ“, беречь накрѣпко, чтобы солдаты зернью не играли, вина и пива не варили (опричь извѣстныхъ праздниковъ—Пасхи, Рождества Христова, Масляницы, Покрова, Дмитріевской субботы и Николина дня) и не пропивались, и табаку отнюдь не держали, и насильствъ никакихъ никому не чинили, и никого не били, и не грабили, и никакого бъ воровства одноличio (?) отъ нихъ не было“. За нерадѣніе въ обученіи и совершеніе вышеназванныхъ проступковъ и преступленій „Иванису тѣхъ солдатъ отъ воровства велѣти унимать и *наказанье чинить, смотря по винѣ*“. Ему же велѣно разбирать судебнымъ порядкомъ челобитныя на солдатъ кого-либо и тяжбы солдатъ между собою: „въ какихъ дѣлѣхъ.... Иванису судить ихъ и сыски всякими сыскивать, а по суду своему и сыску расправа межъ ими чинить“. Отъ пошлинъ судныхъ солдаты не были освобождены. Въ случаѣ душегубства, про то убійство сыскивать, *а по сыску учинити до чего доведется*, и пенные, и поголовные деньги имать.... а до государева указу тѣхъ воровъ сажать въ тюрьму“.

Что же касается до формы присяги, то изъ приложенной къ наказу крестоцѣловальной записи видно, что солдаты поселенные давали клятву на вѣрность службы государю съ обязанностью не отлучаться самовольно безъ государева указу изъ города, и изъ полковъ, и изъ посылокъ, а города не сдать, а въ полкахъ воеводъ не покинуть.... Солдатъ давалъ клятву самовольствомъ, скопомъ и заговоромъ ни на кого не приходить и никого не грабить, и не побивать, и сыщикамъ во всякихъ дѣлѣхъ сказывать противъ государскаго крестнаго цѣлованья въ правду, по свойству

и по дружбѣ ни покомъ не покрывать, и по недружбѣ ни накого ложно не сказывать".

Форма присяги имѣла обще-гражданскій характеръ присяги *служилаго человѣка*, но не воина. Напротивъ, въ формахъ, напр., датской и шведской присяги ясно видно, что ее приносилъ воинъ, оставившій все добровольно или по обязанности, чтобы вѣрно служить своему государю, повиноваться начальникамъ, ходить на приступы, жертвовать жизнію въ бою и т. д.

Не менѣе важенъ въ юридическомъ отношеніи *наказъ стрѣлецкому головѣ*. Разсмотримъ въ главныхъ чертахъ *наказъ Ивану Ендогурову о должности Архангельскаго стрѣлецкаго головы* [14]). Въ немъ находимъ образчики правилъ относительно комплектованія, внутренняго порядка, дисциплины и наказуемости преступленій собственно въ стрѣлецкомъ войскѣ.

Остановимся на существенныхъ данныхъ. Отъ предмѣстника своего Никифора Волкова новый голова Ендогуровъ получаетъ списки сотниковъ и стрѣльцовъ „судныя вершенныя и невершенныя всякія дѣла, а по стрѣльцахъ *поручныя записи*; на мѣсто выбылыхъ прибирать новыхъ, по приказу воеводы (Юрія Ростовскаго) съ товарищи", „а прибирати ему (Ивану) стрѣльцовъ людей гулящихъ, отъ отцовъ дѣтей, отъ братья братью, и отъ дядь племянниковъ, и подсосѣдниковъ и захребетниковъ, не тяглыхъ и не пашенныхъ людей, которые-бъ были бы собою добры и молоды и рѣзвы и изъ самопаловъ стрѣлять были горазды.... (Затѣмъ перечисляется, что не слѣдуетъ брать въ стрѣльцы боярскихъ людей, кабальныхъ, крѣпостныхъ, изъ ямскихъ слободъ).... и по тѣхъ новоприборныхъ стрѣльцахъ головѣ имать *крѣпкія поруки съ записями по прежнему обычаю*. Сотники, пятидесятники и десятники обязаны наблюдать за внутреннимъ порядкомъ, чтобы они „надъ рядовыми стрѣльцы берегли и отъ воровства ихъ унимали". За самовольную отлучку стрѣльца изъ слободы, безъ спроса сотника, пятидесятника или десятника, прежде всего отвѣчаютъ ближайшіе начальники, которымъ (пятидесятнику и десятнику) за то чинить наказанье, вкинуть въ тюрьму на день—*стрѣль-*

---

14) Доп. къ Ист. Акт., т. III, № 16.

цовъ бити батоги нещадно. А если во время самовольной отлучки явятся челобитчиковъ иски, то „велѣть на томъ стрѣльцѣ доправить тотчасъ безъ суда и безъ сыску, и отдавать исцамъ“. Стрѣльца, отлучившагося безъ спроса за слободу и не ночевавшаго дома, „въ слободѣ *бити батоги передъ собою*, и *при пятидесятникахъ* и *десятникахъ* и *при рядовыхъ стрѣльцахъ*, *смотря по винѣ* и *метать въ тюрьму дня на два или на три*, чтобъ на то смотря инымъ не повадно было и не отпросясь у головы и сотнику не явясь, и не сказався пятидесятнику, изъ слободы ходить и за слободою ночевать. „Стрѣльцамъ запрещалось держать корчмы и б.... и зернью не играть, давать пристанище лихимъ людемъ, татемъ и разбойникамъ, боярскимъ и бѣглымъ людямъ.

Главная обязаннось стрѣльцовъ состояла въ отправленіи гарнизонной службы, чтобы „стерегли усторожливо, и со сторожи бы безвѣстно и безъ смѣны не ходили“. Голова обязанъ былъ обучать стрѣльцовъ передъ собою стрѣлять“ *по часту....* а на учбѣ бъ стрѣльцы стрѣляли зельемъ и свинцомъ своимъ, а не казеннымъ, потому что имъ за то даютъ государево денежное и хлѣбное жалованье. „А какъ дадутъ стрѣльцамъ для службы зелье и свинецъ, то голова зелье и свинецъ обязанъ держать за своею печатью, а стрѣльцамъ давать зелье и свинецъ, какъ почаютъ приходу воинскаго люда, а не почаютъ дѣла съ воинскими людьми, зелья и свинцу стрѣльцамъ не давать, *чтобъ напрасно зелья и свинцу не теряли*“.

Стрѣльцовъ, обвиняемыхъ кѣмъ-либо въ бою и грабежѣ, головѣ судить и управу межъ ними чинить въ правду до чего доведется, опричь татьбы и разбоя, а въ татьбѣ и разбоѣ судятъ воевода съ товарищи... „а будетъ въ которыхъ дѣлѣхъ головѣ указъ учинить нельзѣ“, то о томъ докладывать воеводѣ съ товарищи, и они уже судятъ по государеву указу, а спорныя большія дѣла „присылати къ государю въ Москвѣ, и велѣть отдавать въ Новгородской четверти“.

За неправильные иски стрѣльцу чинить наказанье передъ пятидесятниками, десятниками и рядовыми—*бить батоги нещадно*, а смотря по винѣ будетъ кто доведется, *кнутомъ бить*, сыскивая подлинно. Въ стрѣлецкомъ приказѣ полагался „приставъ“ (профосъ) погодно избираемый изъ добрыхъ стрѣль-

цовъ, за поручительствомъ; „а имать приставу хоженаго съ стрѣльца по четыре деньги, а со стороннихъ людей приставу имать хоженаго, по государеву указу, по десяти денегъ“. Стрѣльцы подвергались наказаніямъ: за *побѣгъ батогами*, или *кнутомъ, смотря по винѣ, съ заключеніемъ на время въ тюрьму;* за содержаніе корчемъ и б.... и зерни, за пьянство въ кабакахъ, за пристанище ворамъ, жонкамъ-вѣдуньямъ, боярскимъ бѣглымъ людьмъ, за разбой и грабежъ въ слободѣ и по дорогамъ, за отъѣздъ съ товаромъ куда-либо безъ спроса головы, за обиды, насилія, за улику въ какомъ-либо воровствѣ, въ татиныхъ и разбойныхъ дѣлахъ—*чинить наказанье по разслѣдованіи, смотря по винѣ, бить кнутомъ или батоги и метать на время въ тюрьму*, по освобожденіи же изъ тюрьмы стрѣльцовъ отдавать на крѣпкія поруки съ записями. Вѣдуновъ же и вѣдуней — *имать и сажать въ тюрьму*, до государева указу съ великимъ береженіемъ, доводя до свѣдѣнія о томъ воеводѣ съ товарищи.

И такъ, и за большія преступленія и за маловажные проступки родъ наказанія стрѣльцамъ былъ одинъ и тотъ же—батоги и тюрьма. Батогами можно было наказывать *нещадно*; продолжительность заключенія въ тюрьму опредѣлялась только въ менѣе важныхъ случаяхъ, а въ болѣе важныхъ срокъ заключенія не установленъ. Наказаніе *кнутомъ* относилось къ болѣе важнымъ преступленіямъ, впрочемъ, кнутомъ могли наказывать и головы, *по усмотрѣнію*, и за побѣги.

Стрѣльцамъ, кромѣ извѣстныхъ праздниковъ, крестинъ, свадебъ и похоронъ, воспрещалось варить пиво. „А питье велѣть стрѣльцамъ держать про себя брагу безхмѣльную и квасъ житной“. Имъ разрѣшалось продавать свои издѣлья не свыше рубля, а отъ судебныхъ пошлинъ, отъ иска на сумму до 12 рублей, стрѣльцы были освобождены.

Въ заключеніе наказа, стрѣлецкому головѣ воспрещалось: брать посулы и поминки у стрѣльцовъ, дѣлать вычеты въ свою пользу изъ государева хлѣбнаго и денежнаго жалованья, заставлять на себя или на сотниковъ работать безъ найма, дѣлать понаровки поручителямъ за бѣглыхъ стрѣльцовъ, допускать торговлю стрѣльцовъ по кабакамъ и корчмамъ—подъ опасеніемъ великой опалы и казни. Очевидно, и этотъ наказъ, относящійся къ мирному времени, преду-

сматриваетъ только общія преступленія, останавливаясь съ особымъ вниманіемъ на самовольныхъ отлучкахъ и побѣгахъ.

Если наказъ даетъ нѣкоторое понятіе объ устройствѣ стрѣльцовъ, то о формѣ суда и судопроизводствѣ, наоборотъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Судъ, очевидно, производился по „Уложенію", согласно главѣ X, т.-е. суду предшествовало слѣдствіе, требовались для удостовѣренія въ фактѣ очныя ставки, а въ болѣе важныхъ случаяхъ производились *пытки* (распросъ съ пристрастіемъ). Но во второй половинѣ XVII вѣка и въ западной Европѣ инквизиціонная форма процесса стала господствующею.

Изъ краткаго обзора военнаго законодательства Алексѣя Михаиловича видимъ, что оно, по своему времени, было уже довольно полнымъ, причемъ въ *наказахъ* устанавливался внутренній распорядокъ, чисто полицейскій. Кромѣ отлучекъ, побѣговъ—нѣтъ воинскихъ преступленій. Органами центральнаго управленія для войскъ и военныхъ учрежденій были слѣдующіе приказы: *Разрядъ*, *Стрѣлецкій*, *Иноземный*, *Рейтарскій*, *Пушкарскій*, *Приказъ Малой Россіи* (вѣдалъ Черкасами Украинскими) и *Посольскій* (Донскими казаками) и *Оружейная мастерская*. Въ военныхъ приказахъ была сосредоточена судебная и административная власть, согласно съ господствовавшимъ снизу до верху принципомъ соединенія власти начальника и должности судьи въ одномъ лицѣ. Кто управлялъ тотъ былъ и судьею. Но были еще другіе приказы, имѣвшіе отношеніе къ войску. Такъ, приказъ Новгородской четверти завѣдывалъ судебною частью стрѣльцовъ въ качествѣ высшей инстанціи. Въ военное время деньги на содержаніе отпускались изъ приказа „Большія Казны". Приказъ „Казанскаго дворца" имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи Понизовье и т. д. Начальныхъ людей помѣстнаго войска судилъ въ однихъ случаяхъ Розрядъ, въ другихъ Судный приказъ.

Передъ началомъ польской войны, въ 1653 году, правительство обнаружило большую дѣятельность; вооружались и устроивались новые полки, изъ заграницы выписано было болѣе 40,000 ружей, порохъ, свинецъ и т. д. Въ 1654 году началась война, при чемъ русскій царь выставилъ до 200,000 войска. Ни одно современное государство, даже Франція, не имѣло еще тогда такого

многочисленнаго войска. Въ этомъ войскѣ главную массу составляла конница — старая, неустроенная и необученная дворянская кавалерія, и казаки, привычные кормиться добычею врага. Съ арміей слѣдовала многочисленная артиллерія. Если вѣрить Котошихину, то въ государевомъ или надворномъ полку въ 30,000 чел. было до 200 орудій, проломныхъ, полковыхъ и гранатныхъ; а во всей арміи орудій считалось болѣе 400!... Императоръ св. римской имперіи и его союзники противъ Густава-Адольфа имѣли армію въ 150,000 и эта армія въ то время считалась громадною, небывалою въ Европѣ. Войска московскаго государя вступили въ Бѣлоруссію и Литву съ многочисленными *обозами*: „телѣги съ ядры, съ порохомъ, съ полочнымъ порохомъ, съ фетили, телѣги съ топоры, съ кирками, телѣги съ снастью, чѣмъ каменные ядра дѣлаютъ, телѣги съ просѣками, телѣги съ заступами, телѣги съ лопатами да быки, телѣги съ мазью, съ масломъ, съ гвоздями, съ молоты, съ клещами, съ ломы желѣзными, съ подковы конскими, съ кузнечною снастью, съ плотническою и съ бондарскою и столярною снастью, да телѣги съ конаты и съ ужищами, да запасной лѣсъ къ шатернымъ сохамъ, къ лѣсницамъ, да на сваи, да на оси, да ко всякой статьѣ снаряду по двои колеса взяти притчею во стану, подъ которою пушкою или пищалью колесо подломится“... Съ такимъ обозомъ шли десятки тысячъ лошадей и множество всякаго рода народу.

Московское войско въ самое короткое время достигло блестящихъ успѣховъ: съ небольшимъ въ теченіи года завоевана вся Бѣлоруссія, Литва, Волынь, Подолія; послѣ взятія Смоленска, русскія войска нанесли рядъ пораженій Польскимъ войскамъ, безпрепятственно дошли до Нѣмана, заняли Вильно, Ковно и Гродно; взяты были Динабургъ и Кокенгаузенъ, наименованный „царевича Димитрія городомъ“. Царь Алексѣй Михаиловичъ, послѣ занятія Хмѣльницкимъ Люблина, могъ считать завоеванными Бѣлоруссію, Литву, Подолію. Подобныхъ успѣховъ, въ короткое время, не достигалъ еще ни одинъ царь Московскій; труды царя Алексѣя Михаиловича надъ организаціей войска представлялись ненапрасными. Лучшей внѣшней организаціи въ Русскомъ войскѣ дѣйствительно и не могло быть по тому времени. Но подъ этою блестящею внѣшностью скрывались

многіе недостатки, и эти недостатки обнаружились весьма скоро, когда на помощь уничтоженному польскому королю явились союзники—ханъ крымскій и измѣнившій царю гетманъ Выговскій, и когда шведскій король Карлъ X, ведшій войну съ Польшею, обратилъ свое оружіе и противъ московскаго государства.

Война, какъ извѣстно, продолжалась *тринадцать лѣтъ*. Многочисленное русское войско разстроилось въ конецъ: погибла старая дворянская конница, утрачено много орудій, дѣйствія войскъ сопровождались грабежами, насиліями, самоуправствомъ; отъ побѣговъ и болѣзней полки обращались въ жалкія кучки; исчезло повиновеніе; явилось мародерство, буйство, измѣна, передача солдатъ на сторону непріятеля...

Не станемъ входить въ разборъ печальныхъ фактовъ этой войны: въ ней повторились такія же явленія, съ какими насъ знакомитъ *тридцатилѣтняя* война въ Германіи.

Остановимся на причинахъ выдающихся. Мы ихъ можемъ опредѣлить изъ группы явленій, руководясь массою фактовъ, собранныхъ изъ архивовъ историкомъ Соловьевымъ. Опредѣленіе причинъ нравственнаго упадка въ русскомъ войскѣ, въ теченіе тринадцатилѣтней войны, укажетъ намъ и тотъ путь, по которому пойдутъ дальнѣйшія его преобразованія.

Главнымъ зломъ было *мѣстничество*. Алексѣй Михаиловичъ, при открытіи войны, объявилъ, чтобы въ походѣ воеводамъ и всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ быть безъ мѣстъ; это впрочемъ объявлялось постоянно съ Іоанна Грознаго; но уже въ началѣ войны государь писалъ князю Трубецкому: „у насъ ѣдутъ съ нами атнюдь не единодушіемъ, наипаче двоедушіемъ, какъ есть облака... отъ двоедушія того атнюдь упованія нѣтъ“ [15]). Бояре и воеводы въ „*нынѣшней службѣ*“ не забывали своей мѣстнической розни и не разъ въ теченіи войны, нарушая царскій приказъ, давали поводъ непріятелю разстраивать военные планы. Если уже самъ царь сомнѣвался въ успѣхѣ отъ „двоедушія“ окружающихъ его бояръ, то что же могло происходить вдали отъ государя. Въ письмахъ изъ города царе-

---

15) *Соловьевъ*, т. X, стр. 372.

вича Дмитрія Нащекинъ постоянно жаловался, что безпорядокъ и грабежи происходятъ отъ воеводъ, отказывающихся помогать одинъ другому. Казаки и рейтары, „отяжелѣвшіе отъ добычи“, не пошли по его приказанію, чтобъ остановить вторженіе Литвы. Князь Юрій Долгорукій 8 октября 1658 года близь *Вильны* (у Верки) разбилъ гетмана Гонсѣвскаго; другой гетманъ Павелъ Сапѣга остался невредимъ, потому что сотенные головы (начальники въ помѣстной конницѣ) Князь Барятинскій и двое Плещеевыхъ отказались идти на помощь, объявивъ, что имъ не *вмѣстно* помогать Долгорукому, и этотъ послѣдній, послѣ одержанной побѣды, долженъ былъ отступить и очистить Вильну.

Другою причиною бѣдствій въ тринадцатилѣтней войнѣ было потворство грабежамъ и насиліямъ надъ жителями со стороны самихъ воеводъ. Дѣйствительно, какое значеніе могли имѣть законы для охраненія дисциплины, когда самъ воевода Урусовъ, узнавши, что у кого-нибудь изъ полчанъ есть плѣнники, присылалъ друзей своихъ съ стрѣльцами и самъ „выбиралъ лучшихъ дѣвицъ и женщинъ, бралъ къ себѣ силою и, подержавъ у себя, отсылалъ въ Великіе Луки на государевыхъ (т.-е. казенныхъ) подводахъ“. *Или* „идучи дорогою, заставлялъ служилыхъ людей ловить всю рыбу изъ прудовъ, выпустя воду“. *Или* „не принявши челобитной, билъ ихъ (дворянъ и дѣтей боярскихъ) булавою и стрѣльцамъ велѣлъ бить ихъ до умертвія, а иныхъ челобитчиковъ велѣлъ бить кнутомъ на козлѣ, безъ пощады“. *Или* „билъ (тѣхъ дворянъ) булавою и ослопьемъ, и кнутомъ, и плетьми безъ пощады, не учиня никакой расправы и сыску, говорилъ имъ будто указалъ государь, выбравъ изъ нихъ лучшихъ людей вѣшать, а иныхъ бить кнутомъ, когда они передъ государемъ вины своей никакой не вѣдаютъ“ [16]). Такія дѣйствія воеводы Урусова, обнаруживая дикій произволъ, разрушительно дѣйствовали на дисциплину. Въ подчиненныхъ утрачивалась вѣра въ правосудіе, и они заражались духомъ сопротивленія власти. Бояре и дѣти боярскіе, жаловавшіеся на притѣсненія старшихъ воеводъ, въ свою очередь сами „подъ Брестъ итти отказались, лошадей и платья брать у непріятеля на бою

[16]) *Соловьевъ*, X, 389, 390.

не запрещали; у шляхты брали подарки и сами отдаривали“ [17]). Примѣры самоуправства начальниковъ дѣйствовали соблазнительно на солдатъ и деморализація увеличивалась. Случаи прямаго *неповиновенія* солдатъ на полѣ сраженія, отказы идти на приступъ, или самовольныя, даже вопреки распоряженію начальства, нападенія на непріятеля, были явленіями не рѣдкими. При осадѣ Копыса приказано было воздерживаться отъ напрасныхъ приступовъ, чтобы не тратить даромъ людей и скудныхъ военныхъ запасовъ; но солдаты двухъ полковъ не послушались приказанія своихъ полковниковъ, сами ударили въ бубны и бросились на городъ; посланные воеводою полковники Вильямъ Брюсъ и Николай Фонъ-Заленъ, а съ ними ясаулы (ординарцы) и дворяне, съ приказаніемъ отвести солдатъ отъ города, возвратясь объявили, что солдаты ихъ не послушали, поручиковъ и дворянъ перебили, полковника Брюса ранили по рукѣ, Фонъ - Залена—кирпичемъ въ голову. Приступъ не удался, многіе солдаты были перебиты и переранены.

Случаи неповиновенія, при неудачахъ, переходили *въ измѣну.* Послѣ отступленія князя Долгорукова къ Полоцку, въ Виленскомъ замкѣ оставался для обороны стольникъ князь Мышецкій съ 78 солдатами. Въ ожиданіи приступа со стороны города, со всѣхъ сторонъ окруженнаго войсками Польскаго короля, князь Мышецкій велѣлъ у себя въ избѣ приготовить 10 бочекъ пороху, чтобы взорвать себя вмѣстѣ съ гарнизономъ. Но семь человѣкъ солдатъ, а въ числѣ ихъ Сенька подъячій, впустили непріятеля и выдали своего начальника головою королю Іоанну Казиміру, который велѣлъ отрубить голову храброму русскому воеводѣ. Кромѣ пяти человѣкъ, всѣ остальные приняли службу королевскую [18]). Такъ глубоко было безсиліе законовъ для противодѣйствія все болѣе и болѣе развивавшемуся злу.

Въ тридцатилѣтней Европейской войнѣ отношеніе конницы къ пѣхотѣ установилось въ пропорціи 1 къ 2 или къ 3. Исключенія были при ограниченномъ числѣ войска. (см. объ этомъ въ исторіи пѣхоты Рюстова). Напротивъ, въ арміи Алексѣя Михаиловича—главную боевую силу со-

---

17) *Соловьевъ,* X, 392.
18) *Соловьевъ,* XI, стр. 161 и 162.

ставляла конница. Но кромѣ конницы приходилось продовольствовать еще и громадное число лошадей подъ артиллерію и обозы.

Поэтому *третьей причиной, отчасти обусловливавшей потворство преступленіямъ, была крайне неудовлетворительння организація продовольственной части.* Прежде всего нужно сказать, что снабженіе войскъ продовольствіемъ было ошибочно разсчитано на силу областей ближайшихъ къ театру военныхъ дѣйствій. Средства Бѣлоруссіи, Литвы и даже Малороссіи были быстро истощены своей же конницей, дѣйствовавшей набѣгами. Правильное пріобрѣтеніе припасовъ у жителей, на рынкахъ, затруднялось вслѣдствіе упадка цѣнности русской монеты, что, какъ извѣстно, повело къ Московскимъ безпорядкамъ 1662 г.

Въ Европѣ на эту часть первый обратилъ серьозное вниманіе *Густавъ Адольфъ*, установившій правильный подвозъ продовольственныхъ запасовъ. Но не всѣ ему слѣдовали. Въ Московскомъ государствѣ, въ войну 1654—1667 гг., съ дальнихъ мѣстъ жители вносили, по разсчету, деньги, а съ прочихъ, собравъ *запасы*, по распоряженію мѣстныхъ воеводъ, возили въ порубежные города, т.-е. ближайшіе къ Литвѣ и Бѣлоруссіи, — а затѣмъ полки сами должны были заботиться о подвозѣ на мѣсто расположенія. Мясо, соль и вино возились изъ Москвы. Стрѣльцы, солдаты и драгуны— получали продовольствіе въ натурѣ. *Помѣстная же кавалерія, рейтары и казаки запасались на службу своими домовыми запасами*, у кого что прилучится, пишетъ Котошихинъ, „а у царскихъ запасовъ имъ на службѣ никому не даютъ, развѣ когда *великая нужа* и *голодъ*, изъ царскія казны даютъ небогатымъ людямъ запасы въ долгъ, по небольшому. Рейтарамъ же и казакамъ бываетъ нужа и голодъ, имъ прибавляютъ жалованье“ (Котошихинъ, гл. IX, ст. 8 и 9). Но нужда и голодъ въ этой войнѣ не переводились, а цѣнность денегъ постоянно падала. И вотъ поводъ къ тѣмъ насиліямъ и самоуправству конницы, съ которыми не могли бороться такіе энергическіе воеводы, какимъ, напр., былъ Нащекинъ. И онъ самъ ничего не могъ подѣлать съ грабителями рейтарами и казаками, и представленія его въ рейтарскій приказъ оставались безъ разрѣшенія, и просьбы его о содѣйствіи сосѣднихъ воеводъ, чтобъ удерживали

конныхъ людей отъ раззоренія Друйскаго, Режицкаго и Лужскаго уѣздовъ — безъ вниманія. Что могли значить, при такихъ обстоятельствахъ, статьи VII главы уложенія, воспрещавшія насильственно захватывать у мирныхъ жителей кормы, собирать хлѣбъ на полѣ и трогать сельско-хозяйственные запасы, съ угрозою битья батогами и платежа убытковъ обиженному крестьянину!... Въ концѣ концовъ случилось то, что должно было произойти съ конницей, лишенной способовъ пропитанія. Она таяла и мельчала и отъ пораженія, и отъ недостатка кормовъ. Уже подъ Конотопомъ былъ нанесенъ страшный ударъ старой дворянской конницѣ. „Тутъ погибъ весь цвѣтъ помѣстнаго войска и уже никогда болѣе русскій царь, говоритъ Соловьевъ, не могъ выставить такой кавалеріи". Новый тяжкій ударъ помѣстной конницѣ былъ нанесенъ подъ Чудновымъ, когда, вслѣдствіе голода и безкормицы, измѣнили казаки, и Шереметеву пришлось принять бой при крайне невыгодныхъ условіяхъ. Послѣ двухъ страшныхъ пораженій о помѣстной конницѣ не слышно. Оставшаяся же на театрѣ военныхъ дѣйствій конница (рейтары, казаки) продолжали, по прежнему, промышлять на счетъ благосостоянія мирныхъ обитателей.

Въ этой войнѣ безповоротно разрѣшенъ вопросъ о неспособности помѣстной конницы къ продолжительной войнѣ. Ее должна была замѣнить, устроенная на болѣе выгодныхъ для государства началахъ, конница, болѣе приспособленная къ требованіямъ новѣйшаго военнаго искусства и придаваемая войскамъ въ опредѣленной пропорціи. Вотчинниковъ должны были замѣнить *даточные люди* — будущіе рекруты.

Слѣдствіемъ выше намѣченныхъ причинъ и другихъ условій, расшатывавшихъ духъ войска, были *побѣги*, *уклоненія отъ службы и самовольныя отлучки*. Побѣги были существеннымъ зломъ въ этой войнѣ, они привились къ русскимъ войскамъ надолго, такъ что обратились въ самостоятельное *воинское преступленіе*, съ которымъ трудно было бороться впослѣдствіи, даже при самыхъ жестокихъ наказаніяхъ.

Тринадцатилѣтняя война Алексѣя Михаиловича показываетъ рядомъ примѣровъ, до какого состоянія дошло многочисленное русское войско отъ голода, недостатковъ продо-

вольствія и самоуправства воеводъ, смотрѣвшихъ, при томъ, сквозь пальцы на грабежи и насильственныя дѣйствія солдатъ надъ мирными жителями. Случалось даже, что само правительство разрѣшало солдатамъ предаваться грабежамъ и брать добычу, жечь селенія, чтобъ отнять у противника всякія средства къ занятію какой-либо страны; такъ было въ Смоленской области, во второй періодъ войны, когда непріятель сталъ усиливаться, а свои средства все болѣе и болѣе истощались. Разумѣется, непріятель дѣлалъ то-же самое, и все искусство военно-начальниковъ направлено было къ истребленію благосостоянія мирныхъ жителей! Побѣги, какъ слѣдствіе многихъ неблагопріятныхъ условій въ тяжкой войнѣ, въ свою очередь, были причиною развившихся въ Московскомъ государствѣ грабежей, разбоевъ, съ которыми приходилось считаться правительству особо, вылавливать распространившихся „воровъ и разбойниковъ“. — Главнымъ матеріаломъ для Стеньки Разина *были бѣглые ратные люди.* Съ театра военныхъ дѣйствій безпрерывно бѣгали солдаты, стрѣльцы, рейтары, даточные и дворовые люди помѣстныхъ войскъ. Быстрое уменьшеніе рядовъ русскихъ войскъ въ Малороссіи, Бѣлоруссіи и Литвѣ, вслѣдствіе побѣговъ и значительной смертности отъ мороваго повѣтрія (1656—58 гг.), усиливали призывъ новыхъ ратныхъ людей на укомплектованіе полковъ. До какой степени тяжела была высылка новыхъ солдатъ изъ *поселенныхъ полковъ* свидѣтельствуютъ нѣкоторые историческіе акты, собранные археографической коммиссіей. Посылаемымъ для освидѣтельствованія причинъ разстройства полковъ, поселенныхъ по границамъ съ Швеціей, ревизорамъ велѣно было, отыскивая бѣглыхъ новоприборныхъ солдатъ и виновныхъ въ потворствѣ „высельщиковъ“, наказывать кнутомъ, раззореніемъ и ссылкою *цѣлыми семействами* на Низовье и въ Астрахань. Но и эти наказанія не помогали. Въ челобитной сержантовъ, капраловъ и рядовыхъ солдатъ трехъ погостовъ и одной волости Олонецкаго города, между прочимъ, указаны слѣдующіе факты: „Въ прошломъ въ 158 году (т.-е. въ 1650 г.) были мы холопы твои на твоей государевой службѣ подъ Псковомъ, съ 1654 г. служили мы по вся годы въ литовскихъ и нѣмецкихъ городѣхъ и въ походахъ безпрестанно, лѣто и зиму;

а въ деревнишкахъ нашихъ пашнишка не паханы и домишка наши запустели, а иные многіе бродятъ по миру". Въ 1657 году государь велѣлъ быть на службѣ *попеременно* по поламъ. „А Ивану Дивову велѣно было вновь переписать на Олонцѣ и во всѣхъ Заонежскихъ погостахъ старыхъ драгуновъ и солдатовъ, и вновь набирать всякихъ людей. Онъ выслалъ изъ Заонежскихъ погостовъ къ Александру Потемкину больше 900 человѣкъ драгуновъ. „А на твоихъ государевыхъ службахъ въ литовскихъ и нѣмецкихъ городахъ Олонецкаго и Заонежскихъ погостовъ и Лопскихъ 1,340 человѣкъ, да изъ нашихъ же погостовъ взято на Олонецъ—въ стрѣльцы 200 человѣкъ, на службѣ много побито и померло и въ полонъ поймано, и дома померло, и сколько отъ бѣдности и безвѣстно сошло, о томъ Дивову поданы росписи за руками; да послѣ переписки Дивова многіе померли, а иные многіе солдаты лежатъ больны при смерти, а многіе солдатишки разбѣжались безвѣстно; да въ 1657 г. выслано насъ солдатъ и драгуновъ во Псковъ тысяча человѣкъ, а иные были подъ Корѣлой, а иные на Олонцѣ живутъ для обереганія города.... Да въ прошлыхъ, государь, въ 164 и въ 165 годахъ (1656 и 1657 гг.), по накладу стольника и воеводы Петра Михайловича Пушкина съ товарищи доправлено съ насъ холопей твоихъ (слѣдуетъ перечисленіе натуральныхъ и денежныхъ повинностей, внесенныхъ въ Олонецъ: рожь, кудель, кирки, заступы, топоры, смола, береста, и деньги за даточныхъ въ опредѣленномъ размѣрѣ съ каждой *выти*), „Да нынѣ (въ 1658 г.), государь, указано, по твоему государеву указу, выслать на твою государеву службу солдатъ въ Псковъ тысяча человѣкъ. Имъ указано давать государево жалованье; а которые, государь, солдатишка служатъ въ городѣ на Олонцѣ, караулятъ по рубежу въ острожкахъ, днемъ и ночью, два года, а твоего жалованья денежнаго и хлѣбнаго не даютъ нисколько; и отъ того многіе солдаты врознь бѣгутъ и многіе солдатишка отъ высельщиковъ разбѣжались, для того что гнали ихъ всѣхъ головами на твою государеву службу, по Иванову письму Дивова, и старыхъ, и малыхъ, и увѣчныхъ, и больныхъ и раненныхъ" [19]). Вы-

---

19) Доп. къ Истор. акт., т. VI, стр. 146.

сланному для разслѣдованія злоупотребленій „по невысылкѣ драгуновъ и солдатъ, и за обиды, и за налоги, и за продажи, и за взятье посуловъ и поминковъ“ Сергѣю Малово „велѣли чинити наказанье, которые по распросу безъ сыску виниться учнутъ, съ легкостью, а которые по сыску будутъ уличены, тѣмъ со жесточью, бить ихъ кнутомъ, чтобъ имъ и инымъ, на нихъ смотря, впредь такъ воровать было не повадно“. — Кромѣ того, если по слѣдствію окажутся противорѣчія въ показаніяхъ, то виновнымъ высельщикамъ грозилось „быть въ разореньи и въ ссылкѣ въ Астрахань на вѣчное житье съ женами и дѣтьми“.

Описанныя событія на Сѣверѣ относятся къ тому времени, когда послѣ окончанія моровaго повѣтрія составъ дѣйствующихъ полковъ въ Бѣлоруссіи уменьшился до крайности. По укомплектованіи двухъ солдатскихъ полковъ иноземнаго строя, Далиля и Кравфурта 137-ю старыми солдатами, доносилъ изъ Вильны виленской воевода князь Шаховской, 16 іюля 1658 года, „осталось у меня ратныхъ людей не много: полку Куннигама 180, полку Фендера 169, полку Англера 172 человѣка, но и между ними есть больные“!... Далѣе доносили упомянутые полковники, „во всѣхъ нашихъ трехъ полкахъ осталось здоровыхъ и больныхъ солдатъ 521 человѣкъ, такъ что и на треть прясла городоваго людей поставить нѣкого, а городъ большой“ [20]). Но еще ранѣе, а именно въ іюнѣ мѣсяцѣ, на укомплектованіе четырехъ другихъ солдатскихъ полковъ иноземнаго строя Кита, Яндера, Белли и Гохварта — должно было прибыть болѣе 2 тысячъ *Вятчанъ*, въ дѣйствительности же ихъ прибыло только 1,792 человѣка, болѣе 10% не дошло по назначенію [21]), такъ что каждый полкъ вмѣсто 500 получилъ по 448 человѣкъ съ ружьемъ; но у половины новоприбывшихъ не оказалось бандолеровъ!

Какъ быстро уменьшились полки послѣ укомплектованія ихъ новоприборными, видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ началѣ 1659 г. подъ Копысомъ у стрѣлецкаго головы Калупаева бѣжало 128, осталось на лицо 209 стрѣльцовъ, у полковника де-Фрома убѣжало 226 сол-

[20]) Акты истор., т. IV, № 129.
[21]) Акты истор., т. IV, № 125.

датъ, осталось на лицо 330. Еще позже, въ 1664 г., начальникъ перваго отряда у гетмана Брюховецкаго полковникъ Косаговъ доносилъ: „Со мною, великій государь, осталось рейтаръ 68 человѣкъ, солдатъ 159 человѣкъ, а 18 сентября въ ночь сбѣжало солдатъ 18 человѣкъ, 19 числа сбѣжало рейтаръ 24"! Вообще дѣлами о бѣжавшихъ ратныхъ людяхъ наполнены архивы; цѣлый рядъ статей 1 тома въ полномъ собраніи законовъ свидѣтельствуетъ о побѣгахъ изъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и Малороссіи [22])....

Въ этой войнѣ все перепуталось—обыкновенныя средства для укомплектованія солдатскихъ и стрѣлецкихъ полковъ оказались недостаточными; но кромѣ людей требовались и продовольственныя средства и деньги — на жалованье и покупку матеріаловъ. Жители бѣднѣли, солдаты деморализировались, — тѣ и другіе отдѣлывались отъ преслѣдованія провинціальныхъ и полковыхъ воеводъ—*побѣгами* въ степи, на Волгу, въ Понизовье, въ Сибирь.... Безсильны были жестокія кары и поощреніе доносчиковъ....

Не вхожу въ подробности общаго характера, достаточно извѣстныя изъ исторіи; но скажу только, что московское правительство никогда не было болѣе склонно къ реформамъ и заимствованіямъ, какъ въ концѣ этой несчастной войны, повергшей Россію въ сильное экономическое разстройство. Это категорически высказано было Ордыномъ Нащекинымъ, выдающимся государственнымъ мужемъ, передъ заключеніемъ Андрусовскаго перемирія. Сознавалъ это и государь, давшій своему войску организацію *соотвѣтственную той эпохѣ*. Но одного сознанія о необходимости преобразованій войска было недостаточно.... Такой мировой вопросъ разрѣшается десятками лѣтъ — съ преобразованіемъ войска были въ тѣсной связи существенныя перемѣны въ строѣ самаго государства.

Коренныя реформы войска, во всякомъ случаѣ, наступили въ самой Европѣ только послѣ Вестфальскаго мира: въ эпоху Андрусовскаго перемирія далеко еще не были выработаны и тамъ *основанія для новѣйшей организаціи посто-*

[22]) См. мой трудъ, „Періодъ преобразованія Петра Великаго", стр. 81 и 82, цитата 69 я.

янныхъ вооруженныхъ силъ. Переходъ отъ временныхъ помѣстныхъ ополченій и отъ поселенной системы на Западѣ совершился только въ послѣдней четверти XVII вѣка, послѣ ряда упрощеній въ строю, вооруженіи, снаряженіи и рѣшительныхъ мѣръ для объединенія управленія и суда въ войскахъ. И все это шло рядомъ съ преобразованіями общей администраціи и системы налоговъ.

